

18+

Евгений Асноровский

Гродно- столица, которая осталась

Евгений Асноревский

**Гродно — столица,
которая осталась**

«Издательские решения»

Асноревский Е.

Гродно — столица, которая осталась / Е. Асноревский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553791-1

Уродливое и прекрасное, комическое и трагическое, высокое и низкое — чего только не было в жизни старого королевского города. Книга о «сеймовой столице» Речи Посполитой, написана в необычном, «гибридном» жанре. Автор знакомит с историей города и произведениями искусства, находящимися в нём. Кроме того, в издание вошли дневники путешественников, посетивших город в XVIII веке. Читатель узнает и об авторских идеях улучшения Гродно. В книге более 200 иллюстраций, в том числе редкие и уникальные.

ISBN 978-5-00-553791-1

© Асноревский Е.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Столица, которая осталась, или рассказ о значении города над Неманом в течение 900 лет	7
В двух словах об уникальном центре Гродно	19
Краткий хронологический обзор гродненской архитектуры	20
Объекты католической церкви	24
Костёл и шпиталь Святого Духа	24
Фара Витовта	28
Храмы иезуитов	41
Монастырь бернардинцев	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Гродно — столица, которая осталась

Евгений Асноревский

© Евгений Асноревский, 2026

ISBN 978-5-0055-3791-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Посвящается Л. В. Алексеву, написавшему чудесную книгу «Гродна і помнікі
Панямоння».**

Вступление

Уродливое и прекрасное, комическое и трагическое, высокое и низкое — чего только не было в жизни старого королевского города. Все эти ингредиенты перемешаны в волшебном коктейле истории Гродно. В этом нетрудно убедиться, прочитав краткий перечень некоторых интересных событий городской жизни.

Ещё правители Гродненского княжества, в XII веке, создавали здесь уникальные образцы архитектуры. Тут талантливый полководец Давыд Городенский защищался от крестоносцев. Великий князь литовский и гуситский король Витовт Великий строил каменные замки и принимал пражских послов, вынося судьбоносные для чешского народа решения. В Гродно, в 1432 году, была подписана Гродненская уния между Великим княжеством Литовским и Польшей. Здесь основательница династии Ягеллонов, королева Софья Гольшанская, якобы уговаривала сына Казимира Ягеллона принять польскую корону. Казимир стал королём и правил Польшей и Литвой долгие годы, пока не умер в Гродно, в возрасте 64-х лет. Его сын и тёзка тоже скончался в городе над Неманом, не дожив даже до 30-ти, после чего был канонизирован и прославлен как важнейший католический святой региона — Святой Казимир.

Годы шли, но значительные события продолжали происходить в этом особенном городе. В XVI веке король Стефан Баторий, как пишут историки, принимал тут посла знаменитой английской «королевы девственников» Елизаветы I, и вынашивал важнейшие для судьбы всей Европы политические планы. Кроме того, в Гродно Баторий хотел быть похороненным, и смерть настигла этого великого монарха именно в его любимом городе над Неманом. У короля польского, великого князя литовского и русского царя Владислава Вазы тут, как гласит легенда, была любовница еврейка, а знаменитый любовными приключениями и созданием Дрезденской галереи король Август Сильный жил во дворце на будущей Советской площади и ходил в иезуитский костёл по деревянному переходу над Озёрской улицей, которую в СССР будут именовать улицей Карла Маркса. Тут русский царь Пётр I составлял военные планы против Карла XII, король Август III торжественно отмечал свой день рождения, а канцлер Курляндии квартировал... Где бы вы думали? В «деревянной будке»!

В Гродно была создана Гродненская конфедерация 1793 года, и в том же году в городе прошёл последний сейм Речи Посполитой. Эти судьбоносные для народов огромной страны события привели к восстанию Костюшко, который, в гродненском Новом замке, в 1794 году, провёл совещание с литовскими руководителями антироссийского сопротивления. После подавления восстания в Гродно жил всемогущий, на землях уничтоженной Речи Посполитой, князь Репнин, и даже выращивал огурцы, на территории будущего парка Жилибера. Здесь король Станислав Август целых два года находился в почётном плену, и за это время не только успел увидеть лунное затмение, но и отречься от престола. В Гродно бежал король Франции Людовик XVIII, опасаясь убийц, подсланных Наполеоном. А менее чем через 10 лет после этого события, в город вошёл с войсками король Вестфалии и брат всё того же Наполеона — Жером Бонапарт. Впереди было строительство «последней крепости Российской Империи» и две опустошительные мировые войны.

Вот какие яркие события остались в прошлом города. И всё же это лишь небольшая часть блестящего пазла его истории.

Эта книга о великом минувшем Гродно, о том его наследии, которое сохранилось, и о том, что было утрачено, но может вернуться.

Столица, которая осталась, или рассказ о значении города над Неманом в течение 900 лет

Согласно традиции, основанной на летописных данных, возраст Гродно отсчитывают от XII века, а точнее: от 1128 года. Разумеется, в реальности город возник ещё раньше. В XII веке он уже является центром одного из многочисленных княжеств, получивших относительную самостоятельность после ослабления Киева. Таким образом, уже на заре своей летописной истории Гродно выступает в качестве политической столицы. Происхождение правящей в городе гродненской ветви Рюриковичей является дискуссионным. Считается, что политика гродненских князей не была в полной мере самостоятельной и шла в фарватере бурной деятельности Владимира Мономаха.

Об экономическом потенциале гродненского княжества тех лет, свидетельствует активное каменное строительство, в том числе уникальных для Руси стен, считающихся частью укреплений древнего детинца. Стены были возведены из тонкого кирпича — плинфы.

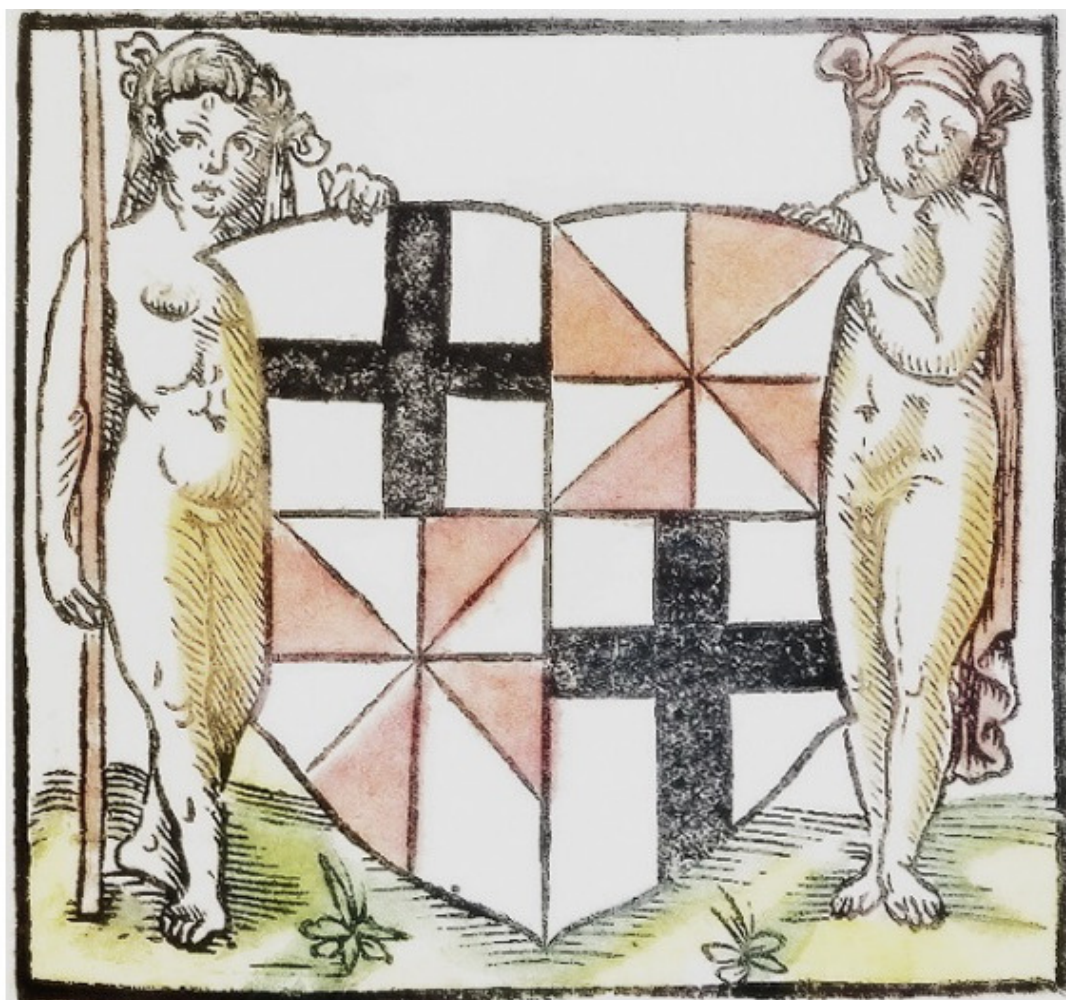
Воображаемый образ Владимира Мономаха, «патрона» гродненских князей Всеволодовичей. «Царский титулярник», 1670-е годы.

С течением времени военные угрозы с различных сторон становились для Гродненского княжества всё более явными. В XIII веке, на территориях так называемой Чёрной Руси, завязываются военные столкновения между галицко-волынскими князьями и литовским нобилом Миндовгом. Центром этих событий в летописях показан Новгородок, но и реже упоминаемый Гродно был ареной противостояния литовцев и галичан.

После образования Великого княжества Литовского Гродно вошёл в его состав. Из-за скудности источников, касающихся этого периода, многим исследователям представляется невозможным определение конкретной позиции города в иерархии населённых пунктов нового государства, продолжавшего формироваться.

По одной из гипотез: гродненским князем был выдающийся полководец и будущий великий князь литовский — Тройдень, который после занятия трона Литвы, с помощью гродненской дружины, повоевал Дрогичин. Активная борьба за Гродно между силами Тройденя и галицко-волинскими войсками безусловно свидетельствует о важности наднеманской крепости.

В конце XIII века начинаются нападения на Гродно крестоносцев. С огромным упорством лучшее европейское рыцарство осаждает гродненские укрепления. Город, являвшийся ключом к Понеманью и важным политическим центром, привлекал рыцарей на протяжении более чем 100 лет.

Герб первого великого магистра Тевтонского ордена, Генриха Вальпот фон Бассенхайма.

В первой половине XIV века начальником гродненского замка становится лучший полководец ВКЛ — Давыд, имя которого неразрывно связано с Гродно. Князь Давыд Городенский успешно воевал против крестоносцев. В литературе даже отмечается, что он был непобедим в битвах с воинствующими монахами, что, правда, не вполне соответствует действительности.

Во второй половине XIV века гродненским правителем являлся молодой сын великого князя Кейстута — Витовт. Будущий великий князь литовский, за свои достижения прозванный Великим, был именно гродненским князем ещё до восшествия на великокняжеский престол. Витовт не раз боролся за город, то вступая в союз со своим «заклятым братом» Ягайлой, то объединяясь с крестоносцами против этого опасного родственника. Особенно выделяется в ряду междоусобиц боевое столкновение осады войсками Ягайлы гродненских укреплений, произошедшая в 1390 году. Она была длительной и упорной, и завершилась взятием Нижнего и Верхнего гродненских замков. Однако уже в следующем году Витовт отбил город. Вскоре братья примирились и Витовт предал союзных ему крестоносцев, которые в отместку организовали поход на столицу князя отступника — Гродно.

В 1398 году Витовт устраивает в городе над Неманом съезд с крестоносцами и заключает с ними мир. В литературе часто встречается утверждение, что во время правления Витовта Гродно превратился во вторую столицу ВКЛ. Даже если посчитать это некоторым преувеличением, можно отметить, что Гродно несомненно был одним из важнейших городов государства Витовта. В Гродно он проводит масштабнейшие работы по созданию каменных укреплений, отмечает важные праздники, в том числе, как пишут польские исследователи, празднует свою женитьбу на Ульяне Гольшанской в 1418 году, хотя, тут уместно заметить, что сама Ульяна является полулегендарной личностью.

Воображаемый портрет великого князя Витовта из книги *La Pologne, historique, littéraire, monumentale et pittoresque*. XIX век.

В Гродно, в 1424 году, правитель принимает чешских послов, желающих видеть Витовта реальным монархом их земель.

Много времени городу уделял и Ягайло. Как писал об этом польский историк Михал Балинский: *«король никогда почти не покидал Гродно находясь в Литве»*. В 1425 году Ягайло обсуждал в Гродно важнейший вопрос границы между Польшей и Пруссией.

После Витовта Гродно продолжает пользоваться популярностью у правителей ВКЛ. Много раз тут бывал великий князь Свидригайло.

В 1432 году в Гродно заключается одна из семи исторических уний Польши и Великого княжества Литовского. Сторонами, подписавшими унию, выступили король Польши Владислав Ягайло и великий князь литовский Жигимонт Кейстуович.

Тесно с Гродно связаны имена двух Казимиров из династии Ягеллонов. По сведениям Балинского, Казимир IV Ягеллон именно в Гродно получает предложение стать польским королём, привезённое торжественным посольством из Кракова. И здесь же великого князя, не очень рвущегося править Польшей, уговаривает короноваться польской короной его мать — Софья Гольшанская.

Казимир Ягеллон.

Сын Казимира IV — королевич Казимир, канонизированный после смерти католической церковью, тоже связан с городом над Неманом. Оба Ягеллона — отец и сын, умирают в Гродно. Со временем Святой Казимир становится одним из самых популярных католических святых в регионе.

Святой Казимир. Изображение в гродненском иезуитском костёле.

В Гродно проходят многие сеймы ВКЛ, что подтверждает высокий статус города. Нередко историю сеймов Княжества отсчитывают от собрания, созванного Казимиром Ягеллончиком в 1445 году. Тогда великий князь совещался с литовскими панями, и эта встреча проходила как раз в городе над Неманом. Подобное представление о начале сеймов ВКЛ весьма популярно в литовской историографии.

Позднее важную роль в жизни Гродно играла королева польская и великая княгиня литовская Бона Сфорца, которая провела в городе множество реформ.

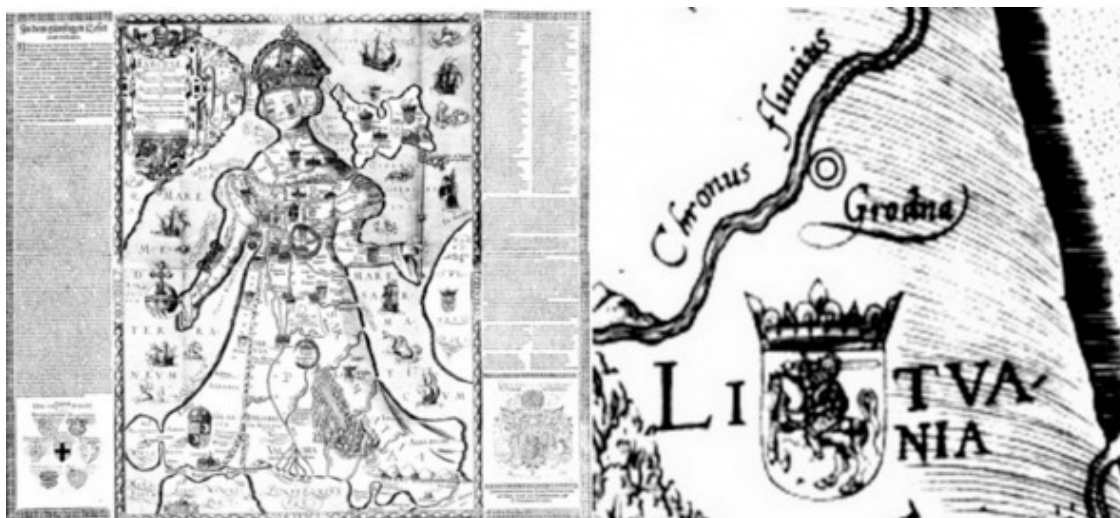
Её сын Жигимонт Август приветил в Гродно сразу несколько делегаций от иностранных правителей. Именно этот момент запечатлён на знаменитой гравюре 1568 года, авторства Цюндта, показывающей приём представителями ВКЛ и Польши московитского, татарского, турецкого и валашского посольств. Происходило это памятное событие как раз незадолго до создания Речи Посполитой.

Вскоре после объединения ВКЛ и Польши в конфедерацию, королём польским и великим князем литовским становится Стефан Баторий. Этот правитель, питавший особую любовь к городу над Неманом, в конце своей жизни превращает Гродно в фактическую столицу всей Речи Посполитой. Баторий подолгу живёт в Гродно, осуществляя правление страной, а кроме того, хочет быть похороненным в этом городе.

Стефан Баторий. Иллюстрация из книги «Wizerunki książąt i królów polskich».

Находясь в Гродно Баторий прославляет свою любимую резиденцию — фактически главный город ВКЛ. Предположительно поэтому на антропоморфной карте Европа Регина, изданной в 1587 году, среди отмеченных важнейших европейских городов, именно Гродно, а не Вильня, представляет Княжество. В Гродно же Баторий внезапно умирает, после чего, вопреки его выбору, тело монарха отвозят в Краков и хоронят на Вавеле.

Карта Europa Regina, вариант 1587 года. Главнейший город ВКЛ — Гродно.

Владислав Ваза уделял немало внимания королевскому городу: принимал здесь, в 1633 году, посольство Венеции, а в 1639 делегацию Брандербурга, и даже, как доносят некоторые источники, имел среди мещанок любовницу еврейку.

Внимание монархов, разумеется, содействует поддержанию высокого статуса города.

В 1647 году выходит в свет книга немецкого историка Цайлера, в которой помещено описание Гродно. В этом труде город называется «выдающимся» и «вторым после Вильни».

При короле и великом князе Михаиле Вишневецком, в 1673 году, благодаря стараниям Христофора Паца, город был объявлен местом проведения сеймов Речи Посполитой, что, конечно же, имело особенное значение для Гродно.

Французский путешественник XVII века Дюпон (Dupont) отмечает: «Гродно город в Литве, большой и хорошо построен... Замок Гродно, который является современным, большой и просторный, и имеет один из самых красивых королевских домов в королевстве. Большинство крупнейших литовских лордов имеют тут свои резиденции. Одним словом, этот город очень подходит для таких великих и многочисленных встреч (имеются ввиду сеймы Речи Посполитой. Прим. Е.А.)».

В хронике гродненских иезуитов Гродно именуется «*haec Metropolis Consiliorum*», что можно вольно перевести как «Сеймовая столица» и «*Metropolis Grodnensis*» (Гродненская столица).

Иезуиты пишут о городе: «В прошлом году Гродно, наисветлейшее светом королевским, наиславнейшее титулами сенаторов, роскошью послов, как из Речи Посполитой так и из-за границ собранных на Сейм, засветилось великим светом над землями».

Соответствует этим заметкам иезуитов, демонстрирующим уверенность в важности города, пышность гродненского иезуитского костёла — одного из величайших памятников барокко в регионе.

Некоронованный правитель ВКЛ — Казимир Ян Сапега, видит Гродно одной из своих главных резиденций и имеет в городе огромный дворцовый комплекс, который известен как Баториевка. По мнению некоторых исследователей, образцом для этого дворца послужил королевский замок в Варшаве. В Гродно магнат и умирает в 1720 году.

В XVIII столетии в Гродно появляется множество других аристократических резиденций, масштаб которых явственно свидетельствует о значении города.

Согласно историку А. Катлярчуку: *«Разрушенная москвитами столичная Вильня не вернула после войны 1654—1661 годов былого значения и административный центр ВКЛ переместился в Гродно».*

Интересно, что статья о Гродно в литовской википедии вполне корректно сообщает: *«После принятия закона о том, что каждый третий сейм Речи Посполитой должен проходить в Гродно, город вскоре станет второй (наравне с Варшавой) столицей республики, а во второй половине XVIII века и важнейшим экономическим и культурным центром Литвы».*

Современный немецкий исследователь Рекс Рексхойзер (Rex Rexheuser) пишет в своей книге *«Die Personalunionen Von Sachsen-Polen 1697—1763 Und Hannover-England 1714—1837: Ein Vergleich»* о персональной унии Саксонии и Речи Посполитой следующее: *«В то же время в литовской части Речи Посполитой Гродно превратился в третью столицу вместе с Варшавой и Дрезденом».*

Вторит ему и исследовательница из Дрездена Элизабет Тиллер (Elisabeth Tiller), описывая период правления Августа Сильного, она замечает: *«Гродно — столица литовской территории и альтернативное место заседания польско-литовского парламента».*

Два саксонских монарха из династии Веттинов не раз бывали в Гродно и обустроили для себя два королевских дворца! Август Сильный приспособил для своих нужд дворец Сапег, так называемую Баториевку, а его сын Август III возвёл Новый замок. Прошедшие при этих монархах гродненские сеймы должны были символизировать равное положение Короны и Княжества, и, соответственно, политическое равенство фактических столиц — Варшавы и Гродно. Городу над Неманом не удалось получить такой значительный приток населения и финансов, какой получила сеймовая Варшава, но всё же статус сеймового города определённо имел чрезвычайное значение для развития Гродно.

Столичный имидж Гродно закрепляется в иностранных государствах, благодаря публикациям европейской прессы. Например, в старейшей газете Лондона *«The London Gazette»*, выпуске от 11 декабря 1684, Гродно прямо называется столицей Литвы *«Capital City of Lithuania»*.

Столичным городом Гродно именуется и в записях, созданных в Речи Посполитой, например, в документе АВАК (Том VII. Акты гродненского гродского суда. С. 155) читаем *«miasta ikmci stołecznego»*, то есть «столичного города Его Королевского Величества».

Таким образом, можно констатировать, что со второй половины XVII века и до конца XVIII, когда Речь Посполитая была уничтожена, город становится фактической столицей ВКЛ. Легко провести аналогию с ситуацией в Польше, где старой столицей остаётся Краков, а новой является сеймовая Варшава. В ВКЛ подобным образом устроен дуумвират Вильня-Гродно.

Многим город был обязан ещё одному некоронованному властелину Литвы — Антонию Тизенгаузу. Именно здесь, реализуя волю «короля Стася», граф развивает свою бурную деятельность, превращая Гродно в свою личную столицу. В городе проходят заседания литовского трибунала, строится огромный по тем временам градостроительный комплекс, который украсил предместье города — Городницу, организовывается первое высшее учебное заведение на территории будущей Беларуси, появляются выдающиеся учёные и художники.

Посетивший Гродно в самом конце XVIII века английский путешественник Вильям Кокс пишет в своих заметках: *«Гродно считается главным городом Литвы».*

Тесным образом с Гродно связано имя не только первого выдающегося правителя Речи Посполитой — Батория, но и самого последнего властителя страны — Станислава Августа Понятовского.

Август Сильный. Полотно кисти Луи де Сильвестра.

Именно в Гродно создаётся так называемая Гродненская конфедерация 1793 года, целью которой является поддержка реализации планов России по разделу Речи Посполитой, и тут же проходит последний сейм этой державы. Участником событий выступает деморализованный правитель Станислав Август, так как присутствие монарха необходимо для придания действиям соседних стран подобия легитимности. Однако в стране находятся силы готовые дать отпор. Во время вспыхнувшего восстания, руководит которым знаменитый Тадеуш Костюшко, Гродно, в 1794 году, становится одной из резиденций главного органа исполнительной власти Литвы — Центральной депутации ВКЛ. В этом же году Костюшко встречается со своими соратниками в гродненском Новом замке, чтобы обсудить ход восстания.

Станислав Август Понятовский.

После покорения Варшавы Суворовым, король Станислав Август отправляется в Гродно, где и отрекается от престола. На склоне лет он пишет в своих мемуарах: *«Надобно представить себе эту якобы столицу, где кроме королевского дворца было всего 2 каменных дома... остальные были деревянными... но их внутреннее убранство претендовало на известную роскошь... В этих деревянных особняках или скорее лачугах жили прехорошенькие женщины»*.

Хотя король дал не слишком лестную характеристику городу, в котором ему пришлось провести два года в почётном плену у Екатерины II, и, кстати, погрешил против истинны, ведь во времена о которых он вспоминал, количество гродненских каменных строений уже исчислялось десятками, однако из слов монарха легко понять, что представление о Гродно как о столице, к моменту написания королевских мемуаров, прочно укоренилось в среде шляхты РП.

Любопытно, что в книге английской писательницы Марианы Старк (Mariana Starke), под названием «Информация и маршруты для путешественников на континенте» (Information and Directions for Travellers on the Continent), изданной в 1824 году, Гродно прямо назван столицей Литвы: *«Grodno is the capital of Lithuania»*. Писательница даже предлагает маршрут Гродно-Москва, видимо, в её представлении являющийся путешествием между двумя важнейшими городами региона. Источником информации для писательницы, вероятно, служили мемуары её земляка Уильяма Кокса, посещавшего Гродно в последней трети XVIII века.

После подавления восстания Костюшко, в 1794 году, по указу Екатерины II, Гродно стал первым центром всего литовского генерал-губернаторства, которое называли также Литовским княжеством или даже герцогством. Однако такое положение вещей было недолгим. Вскоре местом пребывания генерал-губернатора был назначен более крупный город — Вильня. Нет сомнений в том, что если бы Гродно смог обогнать город Гедимины по количеству населения, центр края уже никогда не вернулся бы в старую великокняжескую столицу.

Позднее Гродно стал главным городом губернии Российской империи.

Любопытны сведения русского географа и писателя Афанасия Щекатова, содержащиеся в его книге, изданной в 1804 году. В ней автор отмечает: *«Гродно — вновь учреждённый губернский город Литовско-Гродненской губернии... Расположен на берегу реки Неман, частично на горе, частично в долине, окружённой пригорками. Хотя он не большой и не многолюдный, однако является лучшим городом Литовского Герцогства после Вильни»*.

Гродно был одним из главных центров Январского восстания 1863—1864 годов.

В первой половине XX века Гродно являлся своеобразной столицей правительства БНР, после его отъезда из Минска.

В Советском Союзе Гродно — центр области. Центром области он остаётся и в независимой Беларуси.

В среде белорусских патриотов частенько можно услышать заунывный плач по «утраченной столице» — Вильне. Остался в границах другой страны и ещё один важный белорусский центр — Смоленск — в определённом смысле — столица БССР. Гродно же представляет собой «столицу которая осталась», и поэтому может и должен занять важное место в национальном белорусском историческом мифе, повествующем о преемственности между ВКЛ и РБ.

Тут стоит отметить, что древний белорусский город над Неманом на протяжении всей своей истории играл важнейшую роль в державах населённых предками белорусов и вполне заслуживает главенствующего места в исторической иерархии населённых пунктов региона.

В двух словах об уникальном центре Гродно

Историческая часть Гродно уникальна в масштабе всей Восточной Европы, благодаря тому, что тут, в той или иной степени, сохранились выдающиеся памятники XII, XV, XVI, XVII, XVIII и XX веков. Подобного комплекса значительных объектов зодчества, с настолько хронологически разнесёнными и разнообразными в плане стиля элементами, нет даже в крупных и старых культурных центрах региона, таких как Львов и Москва. Судите сами: самобытная древнерусская школа (Коложа), кирпичная готика (Верхняя церковь), итальянское барокко и ренессанс (бернардинский костёл), немецкий маньеризм (замок Батория), виленское барокко (колокольня бернардинцев), деревянное зодчество ВКЛ (т.н. лямус бригаитток), литовская версия стиля Станислава Августа (усадьба Станиславово), классицизм (дворец Максимовича), эклектика (синагога, Кася и Бася), русский стиль (Покровский собор), неоготика (Кирха), северный модерн (дом Тальгейма) и сецессион (дом Касовских), польский функционализм (Дом офицеров) и романтизм (некоторые дома района Новый свет), сталинский ампир (дворец Текстильщиков), советский модернизм (драмтеатр, Дом техники) — и это далеко ещё не все краски в разнообразной палитре, с помощью которой написан гродненский пейзаж.

Интересной особенностью гродненского центра является как бы некоторое несоответствие культовых сооружений и основного массива гражданской архитектуры. В связи с тем, что Гродно был относительно малонаселён в период XIX — первой половины XX века, его исторические кварталы не получили значительного объёма крупноформатной гражданской архитектуры эклектики и модерна, однако имевшийся ранее высокий политический статус обусловил строительство в городе весьма крупных и значительных образцов сакрального и резиденциального зодчества. К примеру, яркий гродненский храм стиля барокко, иезуитский костёл, имеет большую площадь, чем любой барочный храм Львова, а также скандинавских столиц — Копенгагена и Стокгольма, и даже известного своей барочной архитектурой Лиссабона. В этом смысле Гродно представляет своеобразную антитезу для норвежского Осло, где сохранились характерные для европейских столиц кварталы довольно крупных гражданских построек XIX — XX веков, но совсем немного действительно выразительных доминант сакральной архитектуры. Отчасти парадоксальным выглядит, на этом фоне, строительство в Гродно крупного храма уже после утраты городом статуса одной из столиц Речи Посполитой, то есть, в некотором смысле, сохранение давней традиции городских зодчих. Речь о православном Покровском соборе, который превосходил по площади многие важные храмы Российской Империи, к примеру, Александро-Невский собор Саратова, одного из самых населённых городов страны, согласно переписи 1897 года.

После такого вступления автор может уделить внимание хронологии строительства «столицы, которая осталась».

Краткий хронологический обзор гродненской архитектуры

Древнейшие частично сохранившиеся здания относятся к гродненской школе зодчества и датируются XII веком. Представлена эта уникальная школа прежде всего храмовыми постройками, а также стеной из плинфы и так называемым княжеским дворцом (теремом). Огороженный стенами гродненский детинец, известный теперь как Старый замок, был местом проживания не только княжеской семьи, но и «гражданского населения», жившего в небольших и крайне примитивных деревянных постройках. Уже в XII веке были достаточно плотно заселены и посады неподалёку от детинца. На территории одного из них выявлены остатки церкви XII века — Пречистенской. Достоверно известны три храма гродненской архитектурной школы: Коложская церковь, Пречистенская и Нижняя. К этой же школе относят Малую и Воскресенские церкви, но даже их точное местоположение является предметом дискуссии для исследователей, поэтому у специалистов нет оснований уверено говорить о датировке и художественных особенностях этих храмов.

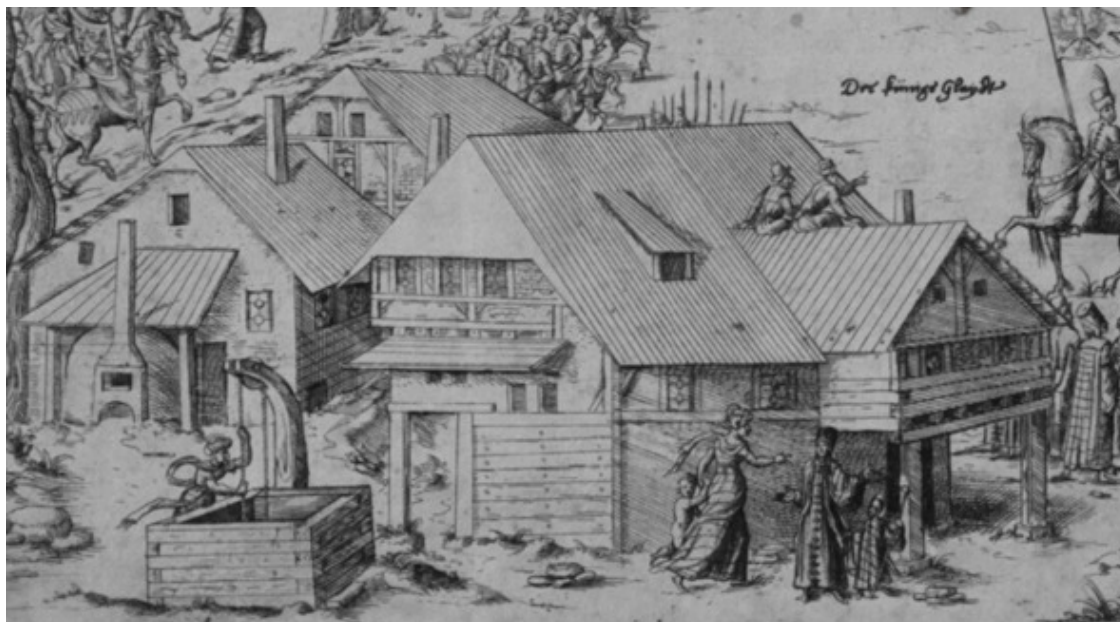
Развитие городской структуры Гродно в XIII — первой половине XV века, вероятно, шло не очень активно. Такое предположение уместно связать с тяжёлой для города ситуацией, обусловленной военной угрозой со стороны волинцев и крестоносцев. К XIII столетию обычно относят строительство каменной башни волинского типа, так называемого «столпа», который охранял въезд на детинец.

В период своего правления, который начался в XIV веке, великий князь Витовт реконструирует гродненский замок, при этом значительно увеличивая его оборонный потенциал.

Периодом XIII — XV веков можно датировать старинный христианский храм на гродненском детинце — Верхнюю церковь.

Постепенно город развивается и начинает привлекать внимание католических орденов. Первыми, ещё в XV веке, в Гродно обосновываются монахи августинцы.

Великолепным источником для изучения застройки города, на период второй половины XVI века, служит знаменитая гравюра Матиаса Цюндта. Рассмотрение изображённых зданий позволяет сделать вывод о том, что значительный процент реальной гродненской «старушки» составляли не просто деревянные, а фахвёрковые дома «прусского мура». Не одно из этих строений не смогло пережить бесчисленных войн, обрушившихся на город, хотя в европейских городах сохранились многие замечательные примеры таких построек.

Фахвёрковые дома в Гродно. Гравюра Цюндта, 1568 год.

В это время в городе существует и значительное количество деревянных церквей, в том числе достаточно крупный католический собор.

На стыке XV и XVI веков в городе появляется ратуша, которая позднее неоднократно перестраивается. В середине XVI века королева Бона финансирует строительство монастыря и костёла Св. Духа. Серьёзный импульс городскому строительству придаёт, во второй половине XVI века, Стефан Баторий. Король строит из кирпича большой иезуитский костёл, позднее известный как Фара Витовта, и перестраивает гродненский замок в ренессансном стиле.

В XVII — XVIII веках ведётся активное строительство католических монастырей. В Гродно обосновываются иезуиты, бернардинцы, бернардинки, бригиттки, доминиканцы, францисканцы, кармелиты и бонифраты. В это же время город окружают бастионными укреплениями.

Кроме традиционных православных и католических храмов в городе нашлось место и для других культовых зданий. Считается, что ещё в период XVI — XVII веков в Гродно строят каменную главную синагогу.

На отрезке истории города от второй половины XVII до конца XVIII века, в связи с решением проводить в Гродно сеймы, появляется значительное количество магнатских и шляхетских резиденций, большинство которых построено из дерева. Особенно выделяются в этом перечне деревянной застройки дворцы Сангушек и Огинских, которые смогли сохраниться дольше многих других магнатских резиденций. За бернардинским костёлом был возведён особенно шикарный, так называемый «стеклянный», дворец Пацев. На улице Озёрской (Бригиттская, Скидельская, Карла Маркса), выше каменного дворца Сапег, построен крупный деревянный дворец Чарторыйских. Ещё выше по улице, напротив бригиттского монастыря, расположился дворец Мнишков. Множество резиденций магнатов были каменными, к примеру: дворцы Сапег на Бригиттской, дворцы Радзивиллов на площади и за Неманом, дворец Храптовичей на Замковой и дворец Мосальских на той же улице, дворцы Огинских (будущий пивзавод) и Пшездецких на берегу Немана. Однако город всё ещё в основном состоит из деревянных строений. Примерами гродненской деревянной архитектуры того периода, могут служить уникальный лямус монастыря бригитток и хорошо известная по фотографиям, деревянная синагога за Неманом.

Во второй половине XVIII века Антоний Тизенгауз разворачивает масштабное строительство в предместье Гродно называемом Городница. Там возводят десятки различных зданий, используя при этом упоминаемую ранее старинную технологию, построенную на сочетании камня и дерева — фахвёрк. По воле Тизенгауза и его патрона Станислава Августа, появляются очередные представительские резиденции: дворец Тизенгауза (Понятовского), дворец Дзеконского (Валицкого), дворец Четвертинских (так называемая медицинская академия). Строятся другие крупные здания, к примеру: известная «Кривая официна», а вокруг города появляются три королевские усадьбы. В 80-х годах XVIII века, во времена Станислава Понятовского, племянника и тезки короля, строится здание театра при главном дворце на Городнице.

В XVIII веке немецкие переселенцы приспособливают под кирху одно из зданий Городницы, которое затем перестраивают в неоготическом стиле.

С конца XVIII до периода II Мировой, большой процент населения Гродно составляют евреи, что приводит к строительству множества еврейских культовых зданий, среди которых, кроме главной синагоги, особо выделяются деревянная синагога за Неманом и шикарно украшенные постройки так называемого «Школьного двора», который находился рядом с большой хоральной синагогой.

Дворец Четвертинских в Гродно на рисунке Н. Орды.

В ВКЛ конца XVIII века, по количеству каменных зданий, Гродно уступает только Вильне.

После вхождения города в состав Российской империи его развитие продолжалось. В городскую среду постепенно входят характерные для европейской архитектуры XIX и XX веков стили: развитый классицизм, эклектика, модерн.

На стыке XIX и XX веков начинается строительство Гродненской крепости — оборонительной структуры, состоящей из расположенных вокруг города бетонных и земляных укреплений.

В начале XX века в городе строят достаточно крупный православный храм — Покровский собор.

В составе II Речи Посполитой, в 20-х и 30-х годах XX века, в Гродно строится уникальный район Новый Свет, состоящий из зданий в стиле конструктивизма, особняков «закопанского» стиля, зданий с элементами народного деревянного зодчества.

Период БССР вносит в архитектурную палитру Гродно постройки сталинского ампира и советского модернизма, в том числе выдающийся памятник советской архитектуры, один из лучших образцов модернизма в Восточной Европе — гродненский драмтеатр.

Существует легенда о чуть ли не идеальной сохранности гродненского центра, якобы прекрасно пережившего кровопролитные войны, прокатившиеся по этой земле. На самом же деле, целые городские кварталы были уничтожены, как в войнах, так и в мирное время. Утрачены были, помимо рядовых зданий, ещё и ценнейшие архитектурные доминанты, к примеру: Фара Витовта, ратуша, костёл доминиканцев, дворцы Радзивиллов на Рынке и за Неманом, дворец Огинских на Сенном рынке и многие другие.

Попробуем теперь более пристально посмотреть на отдельные объекты гродненской старины: костёлы, церкви, дворцы и другие архитектурные достопримечательности. Именно значительным памятникам зодчества посвящено большинство следующих глав данного издания.

Объекты католической церкви

Костёл и шпиталь Святого Духа

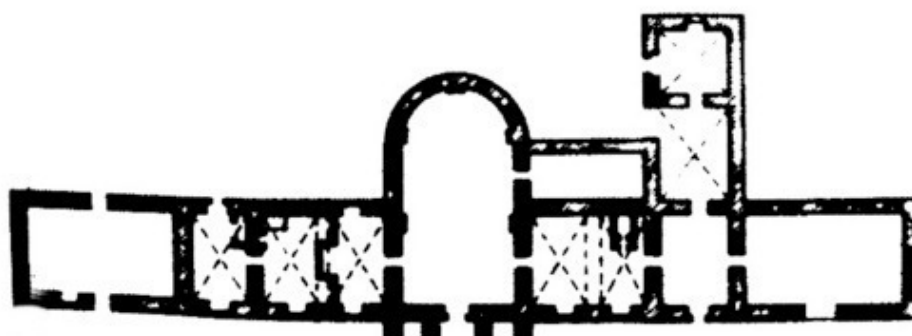
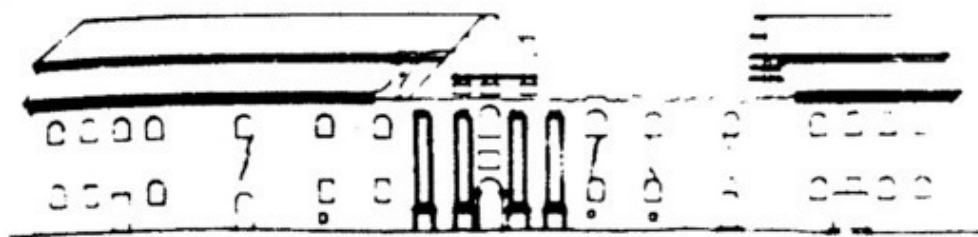
Костёл и шпиталь Святого Духа могут претендовать на звание старейшего частично сохранившегося католического комплекса Гродно. Они были основаны по желанию королевы Боны в 50-х годах XVI века. Костёл получал королевские привилегии от Жигимонта Августа и Стэфана Батория в 1553 и 1584 годах соответственно.

Костёл Св. Духа. Фото автора.

Комплекс выполнял роль городского приюта и больницы для малоимущих. Название в честь Святого Духа было типичным для подобных больничных комплексов Европы. В ревизии Гродно, 1680 года, монастырь упомянут как каменный. Во второй половине XVIII века костёл Св. Духа смог побыть даже монастырским храмом, хотя официально оставался в собственности парашии фарного костёла. Это случилось благодаря тому, что в 1783 году при храме жили три монахини мариавитки. В этот же период боковые крылья монастыря были надстроены и получили второй этаж, который, однако, не был полностью закончен.

С упадком Речи Посполитой комплекс не перестал выполнять больничных функций. Но постепенно деятельность занимавшей здания костёла и шпиталя благотворительной организации несколько изменилась и стала более соответствовать духу времени.

Костёл на рисунке первой половины XIX века.

По примеру «Виленского человеколюбивого общества», в 1819 году, было создано «Гродненское благотворительное общество» (Товарищество доброты), в качестве приемницы уже существовавшего ранее гродненского «Дома благотворительности». Официальное разрешение на свою деятельность общество получило 8 августа 1821 года. Члены общества старались всячески поддерживать нуждающихся в помощи, в частности, бедняки получали финансовые пособия и бесплатную еду, а арестанты одежду. Разумеется, одним из основных профилей Товарищества было лечение больных. Деньги собирались благодаря членских взносов, подписным листам, а также благотворительным балам и спектаклям. Приносила доход и продажа лотерейных билетов, кроме того, значительные взносы делали богатые меценаты, к примеру, губернатор Анджейкович.

В 20-х годах XIX века здание костёла и шпиталья перестроили по проекту гродненского архитектора Кароля Багэмилы. Комплекс получил черты развитого классицизма. Сам храм при этом был превращён в зал собраний.

После восстания 1863—1864 годов, «Товарищество благотворительности», состоявшее из неблагонадёжных представителей местной элиты, ликвидировали. Бывший католический комплекс был продан городскими властями еврейскому предпринимателю Абелью Тарловскому. Здание пострадало в пожаре 1885 года. Позднее и при другом владельце в здании был организован ресторан «Славянский». Так католический комплекс перешёл в эпоху использования различными коммерческими заведениями и о его славном прошлом напоминало немного.

Бона Сфорца. *Encyklopedia staropolska ilustrowana*.

На момент написания книги в здании размещена гродненская городская администрация и даже охранная табличка на стене этого бывшего католического комплекса молчит о солидном возрасте объекта, построенного по фундаментам самой королевы польской, великой княгини литовской и миланской принцессы Боны Сфорца.

Предметом дискуссии для исследователей остаётся следующий вопрос: был ли монастырь каменным уже в XVI веке. Построила ли королева сразу каменный монастырь и если да, то в каком стиле? На рисунках первой трети XIX века виден костёл с четырьмя колоннами на постаментах. Этот памятник напоминает аналогичные по масштабу строения итальянского ренессанса XVI века. Если подобный вид здание имело уже при королеве Боне, это означает, что оно является старейшим образцом применения классического архитектурного ордера на землях будущей Беларуси, ведь храм старше даже новаторского для ВКЛ несвижского иезуитского костёла. Вероятно, впрочем, что декор создан уже в эпоху классицизма, при поддержке виленского епископа Игнация Мосальского и кем-то из опекаемых им крупных мастеров классической архитектуры, то есть кем-то из пары Гуцевич Кнакфус. Так или иначе «муры» этого

комплекса в значительной степени сохранились и, несмотря на многочисленные позднейшие перестройки, несут в себе некоторые черты архитектуры ренессанса.

Как и говорилось выше, храм имел четыре колонны, которые стояли на высоких поста-ментах. Комплекс венчала высокая и ломанная барочная крыша. Декор фасада, форма и рас-положение оконных проёмов, а также крыша не раз менялись.

В XX веке внешний вид здания не претерпел значительных изменений. Комплекс пред-ставляет собой вытянутое двухэтажное строение, декорированное тремя фронтонами с валю-тами. Окна второго этажа — полуциркульные, первого — прямоугольные. Центральная часть декорирована четырьмя пилястрами (ранее полуколоннами), сандриками над оконными про-ёмами второго этажа, балконом на кованых кронштейнах. Боковые крылья украшены по краям сдвоенными пилястрами с лучковыми фронтонами над ними.

Фара Витовта

Фара Витовта — храм который можно без преувеличения назвать легендарным. Столетиями этот величественный собор возвышался в самом центре королевского Гродно, являясь одной из главных высотных доминант города.

Апсида Фары Витовта со стороны улицы Советской. Идеализированная (не строго научная) реконструкция автора.

Рассказ о храме стоит начать с интересного и не всем известного факта: Фару Витовта на самом деле построил король и великий князь Стефан Баторий. Точнее, этот монарх возвёл большой каменный собор, известный позднее как Фара Витовта. Это название стали активно использовать только в период 30-х годов XX века. В определённом смысле, оно было унаследовано от предыдущего храма, фундатором которого действительно был великий князь Витовт.

Получив Гродно в удельное владение от своего отца Кейстута, Витовт сделал его одной из главных своих резиденций. Разумеется, такой важный политический центр нуждался в большом католическом храме, который и был построен, по распоряжению великого князя. Храм упоминается уже в 1389 году, а значит, может претендовать на звание одного из старейших католических соборов в этой части Европы. Впрочем, существует мнение, что данные сведения недостоверны.

Считается, что первая Фара была выстроена из дерева. В конце XV века храм был реконструирован по распоряжению короля и великого князя Александра Ягеллончика. Королевич Казимир Ягеллончик, известный позднее как Святой Казимир — главный небесный заступник ВКЛ, согласно легенде, выходил босиком из гродненского замка и шёл в костёл, а если находил его закрытым, ложился на пороге и долго лежал распластавшись. Королевич умер в Гродно и затем был канонизирован католической церковью. Таким образом, можно говорить о тесной связи главного католического святого ВКЛ со всем Гродно и конкретно Фарой Витовта.

Древнейшее известное изображение Фары Витовта. Гравюра М. Цюндта, XVI век.

Храм на гравюре Т. Маковского. 1600 год.

Построенный для иезуитов костёл Батория, позднее известный как Фара Витовта.

В середине XVI века храм был отремонтирован великой княгиней и королевой Боней Сфорца. Прочитав этот текст не трудно убедиться в том, что первая Фара была связанна с именами многих венценосных особ того времени. Однако знание исследователей о первом храме всё же весьма неполные. Некоторые специалисты даже предполагают, что каменный храм появился ещё до Батория. Учёным известно лишь одно изображение этого первого костёла.

Оно помещено на гравюре авторства Матвея Цюндта, датированной 1568 годом. Дискуссионным остаётся и вопрос расположения этого храма. Предполагается, что он стоял на месте ампирного здания дома профсоюзов, по улице Советской. Но есть и другие предположения, к примеру, Мечислав Супрон высказал догадку о размещении старого храма на месте дома номер 3, по улице Замковой.

Такая насыщенная королевскими именами летопись, могла бы прославить любой храм ВКЛ, но для Фары Витовта это был лишь первый этап её бурной истории.

В восьмидесятых годах XVI века Стефан Баторий, питавший особую любовь к городу над Неманом, построил в Гродно новый каменный храм, который должен был стать его усыпальницей. Это был огромный, по меркам Речи Посполитой, готико-ренессансный костёл, сопоставимый по площади с Виленской катедрой.

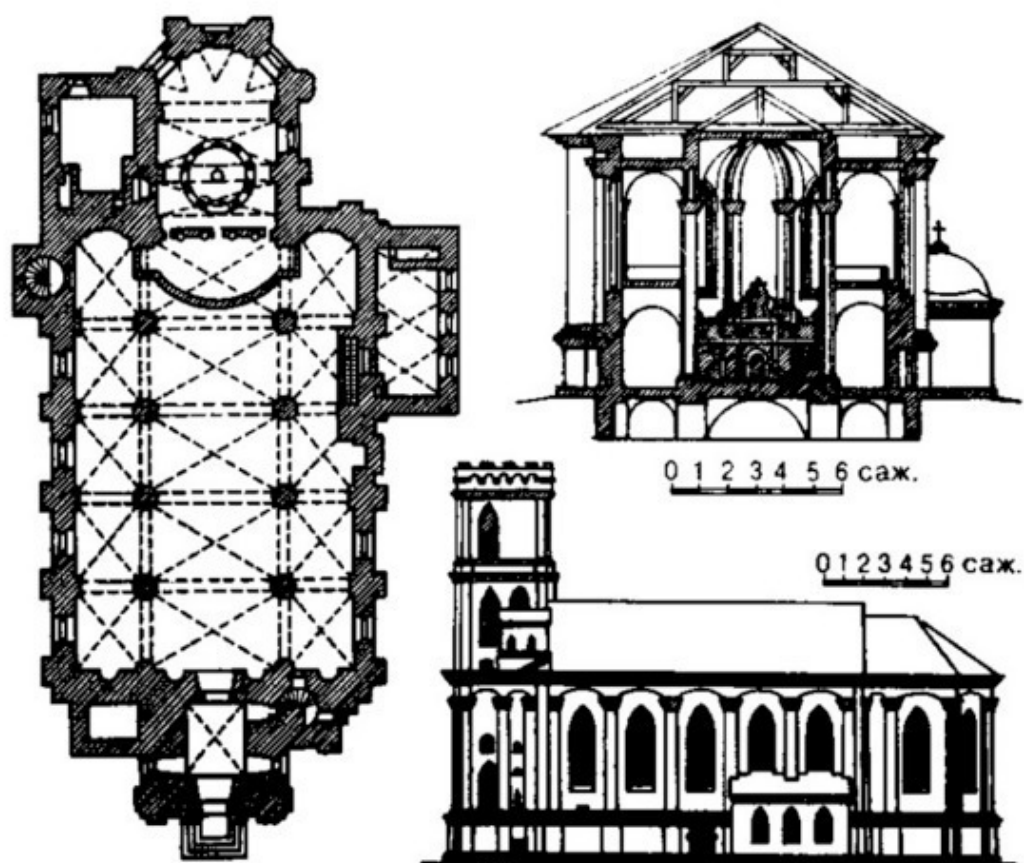
Фара Витовта в конце XVI века. Научная реконструкция М. Супрон.

Строился храм совсем не как городской собор. Новый костёл должен был принадлежать ордену иезуитов, которых король планировал заманить в свой любимый Гродно, с целью организации достойного учебного заведения. Иезуиты, однако, не спешили принять королевское предложение, хотя монарх и был чрезвычайно настойчив. В итоге храм так и не был принят орденом, а Баторий скончался в Гродно, в конце 1586 года.

Как же выглядел иезуитский костёл, построенный Баторием? Некоторое представление о храме даёт известная гравюра Маковского, датированная 1600 годом. Именно это здание Батория стало позднее широко известно под именем Фары Витовта и, пережив различные перестройки, просуществовало до 1961 года.

Представление о размерах храма можно получить благодаря обмерным рисункам начала XIX века: судя по ним костёл имел около 58 метров длины и примерно 24 метра ширины. Здание представляло собой базилику, центральный неф которой поднимался на высоту более 17 метров. Высокая башня в начале XIX века не имела купола, но даже без него её высота была более 40 метров. Изначальная высота башни может служить предметом дискуссии специалистов. Известно, что здание не раз разрушалось и башня костёла запечатлена разрушенной ещё

на рисунке, который датируется XVIII веком. Судя по гравюре Маковского, башня была выше, чем на обмерном плане и завершалась округлым куполом. Стоит с осторожностью подходить к интерпретации данных гравюры, тем не менее она является важным источником данных об облике храма на начальных этапах его истории. Вместе с высоким куполом и крестом высота башни видимо превышала 50 метров. А если предположить наличие дополнительных ярусов башни храма и взять за основу для расчётов пропорции костёла на гравюре Маковского, то можно предположить, что высота Фары достигала 70 метров! Размеры храма были значительно меньше крупнейших готических соборов Европы, но зато вполне сопоставимы с размерами виленского и вавельского соборов, или, к примеру, кафедрального собора Стокгольма.

Зарисовки Фары Витовта. Начало XIX века.

Апсида костёла выходила в сторону нынешней улицы Советской и имела большие готические окна. Входы в храм выделялись ренессансными порталами с богатой резьбой по камню.

Существует достаточно большое количество реконструкций облика храма. Одна из самых старых и известных — реконструкция знаменитой исследовательницы архитектуры Беларуси Елены Квитницкой. Из более современных выделяется отличная работа Мечислава Супрона.

Архитектором храма зачастую называют королевского зодчего Санти Гучи. Однако существуют небезосновательные гипотезы об авторстве Яна Марии Бернадони, создателя костёла иезуитов в Несвиже. Эта гипотеза выглядит убедительной не только потому, что план храма находится в так называемом Киевском альбоме Бернадони, но и потому, что знаменитый ита-

льянский зодчий был иезуитом, а как уже было отмечено выше: храм строился именно как иезуитский.

После отказа ордена иезуитов принять костёл, он стал главным католическим собором Гродно. Старая Фара Витовта, которая, как считают исследователи, всё ещё существовала неподалёку от нового храма — была разобрана, а костёл построенный Баторием как бы унаследовал её имя и историю.

Фара Витовта на рисунке XVIII века.

Некоторые дополнения вносились в облик храма ещё в XVII веке, к примеру, род известных в Гродно шляхтичей Халецких пристроил к костёлу каплицу.

Но храму не было суждено долгое и спокойное существование, наполненное работами по его дальнейшему украшению.

Во время оккупации Гродно московскими войсками, в пятидесятых годах XVII века, храм был значительно повреждён. Святыня не раз горела в XVIII веке. Облик храма был запечатлён в конце XVIII века Анной Тышкевич. На рисунке храм показан в достаточно неблагоприятном состоянии. Нескончаемые беды Фары вынудили горожан придать статус фарного костёла храму иезуитов, которые в первой половине XVII века всё-таки выполнили волю Стефана Батория и обосновались в Гродно, а затем возвели великолепный костёл Св. Франтишка Ксаверия, прямо напротив Фары Витовта.

После разделов Речи Посполитой, Гродно оказался в составе Российской Империи. Государственной религией этой державы являлось православие. Логичным было создание значительного православного собора в новом губернском городе, который имел большое количество крупных католических храмов. Так появилась идея перестройки Фары Витовта в православный собор. Решение было принято в 1804 году, самим императором, а уже в 1807 году новый/старый храм был освещён в честь Св. Софии.

Фара Витовта перестроенная в Софийский собор.

Архитектура здания претерпела лишь незначительные изменения и всё ещё крайне мало напоминала обычные православные храмы тогдашней России. Собор сохранил даже свои готические окна. Башня получила округлый купол, напоминающий тот, что был запечатлён на гравюре Маковского 1600 года. На месте часовни Халецких была построена так называемая «тёплая церковь». Таким образом общая площадь храма значительно возросла. В таком виде храм стал попадать в объективы появившихся в Гродно фотографов и был изображён известным художником Наполеоном Ордой.

Брама Софийского собора. В такой бреме, над проездом, могла помещаться каплица, как в знаменитой «Острой бреме». Выходила на площадь. Место брамы свободно.

Однако православное духовенство не могло оставаться равнодушных к тому, что *«собор более походит на костел, чем на православную церковь»*. Это предопределило дальнейшие изменения облика храма.

Ближе к концу XIX века выдался и подходящий случай. В 1892 году собор охватил разрушительный пожар. Была предпринята очередная перестройка и в 1898 году работы в основном завершили. Вот так появился на центральной площади Гродно огромный псевдорусский собор. С северной стороны был построен ещё один предел, аналогичный «тёплой церкви». Высокая звонница храма господствовала в городской панораме. Софийский собор стал самым большим по площади православным храмом из числа существовавших на территории будущей Беларуси! 1 ноября 1914 года храм посетил Николай II с императорской семьёй.

Псевдорусская версия Софийского собора. Фото начала XX века.

Но период власти Российской Империи над этими землями и само её существование близились к концу. Гродно оказался в составе возрождённой Польши. В двадцатых годах XX века, Софийский собор, уже возвращённый католикам, был перестроен в гарнизонный костёл. Причём храм прошёл как бы несколько стадий своей трансформации, постепенно теряя облик псевдорусского собора. Архитектор вернул готические окна, но ему не была известна гравюра Маковского, поэтому завершение башни зодчему довелось просто придумать.

Гарнизонный костёл, промежуточная версия. 20-30-е годы.

Храм пережил II Мировую и первые годы владычества коммунистов. Однако новая власть не была заинтересована в возвращении святыни верующим. В здании прописались различные советские организации, далёкие от религии. В конце 1950-х возникла идея создать в здании бывшего костёла кинотеатр. Кроме того, предлагалось расположить в нём Дом физкультуры. Но этим проектам не суждено было воплотиться. В 1961 году было принято решение о сносе храма. Горожане пытались охранять костёл. Многие гродненцы до сих пор вспоминают рассказы своих бабушек о том, как те защищали храм. Но в ночь с 28 на 29 ноября 1961 года здание было оцеплено солдатами и взорвано ленинградскими подрывниками.

Финальная версия гарнизонного костёла.

Так был уничтожен этот важнейший для ВКЛ храм с богатейшей историей. 4 июня 2014 года, в сквере на месте Фары Витовта установили памятный знак.

Какое же значение имеет этот утраченный храм для современных белорусов? Известно, что главные готические соборы Европы являются своего рода символами своих стран и важнейшими национальными памятниками, связанными с именами правителей и прочих значительных личностей. Собор Св. Вита в Праге, Собор Парижской Богоматери, Вестминстерское Аббатство — значение этих храмов как национальных символов чрезвычайно велико. Даже американцы посчитали нужным построить огромный готический собор-символ. Речь, конечно же, о Вашингтонском Национальном Соборе. Но есть ли такой храм у белорусов? Прежде всего им может считаться Виленская катедра. Храм давно утратил готические черты, но в нём захоронены правители ВКЛ и другие значительные личности. Однако этот собор находится на территории независимой Литовской Республики. На территории Беларуси на такую роль национального храма-символа может претендовать гродненская Фара Витовта — самый большой храм на территориях будущей Беларуси в XVI веке. Костёл связан с именами Витовта, Святого Казимира, Александра Ягеллончика, Боны Сфорцы, Стефана Батория, для которого свя-

тыня должна была стать усыпальницей. Храм не так огромен и раскошен, как великие соборы Западной Европы, но это не умаляет его значения для белорусов.

Можно констатировать, что дискуссии о восстановлении храма не прекращаются. Но в каком виде его восстановить? И какой конфессии он должен принадлежать? Стоит попробовать ответить на эти вопросы, не затрагивая тут серьёзно сам вопрос необходимости восстановления памятника. Хотя, можно всё же заметить, что такие страны как Россия, Германия, Литва и Польша давно показали своим примером, что восстановление памятников архитектуры — имеет смысл, и это при том, что списки сохранившегося наследия всех этих стран, кроме Литвы, не идут ни в какое сравнение с белорусским. Кроме того, уместно заметить, для любителей борьбы с религией, что выдающийся храм не только (а для многих не столько) дом верующих, но и произведение искусства и памятник истории (даже если речь о восстановленном объекте), который нередко перестаёт выполнять религиозные функции и превращается в концертный зал или тому подобное место. Итак, несколько вопросов и ответы на них.

Вопрос 1. Как должна выглядеть восстановленная Фара Витовта?

Короткий ответ: В основном как храм XVI — XVII веков, ренессансно-готический собор. Могут присутствовать незначительные элементы других эпох.

Тезисы:

1. Ренессансно-готический облик храм имел во времена наивысшего значения города.
2. Храм непрерывно имел облик ренессансно-готического собора более трёх сотен лет.
3. В общей сложности храм имел облик ренессансно-готического стиля (и приближённого к нему) более трёхсот пятидесяти лет и только немногим более двадцати обладал обликом псевдорусского собора.
4. Сохранённые на месте храма аутентичные части — основные фундаменты и подвалы, принадлежат ренессансно-готическому костёлу.
5. Храм по праву может принадлежать католикам и, стало быть, уместен вид именно католического собора.
6. Псевдорусский храм плохо гармонирует с архитектурой Советской площади.
7. Храм широко известен именно как Фара Витовта, то есть католический собор ренессансно-готического стиля.

Аргументация:

Храм был построен в XVI веке по поручению короля польского и великого князя литовского Стефана Батория. Во времена Батория Гродно был фактической столицей Речи Посполитой, затем долгое время вторым по значению городом Великого княжества Литовского, а в период проведения сеймов РП — фактически главным городом ВКЛ. Во времена наивысшего подъёма значения Гродно, его главный католический храм сохранял облик ренессансно-готического собора, что может служить аргументом в пользу восстановления здания именно в таком виде. После вхождения города в состав Российской Империи, костёл был реконструирован и передан православным. Однако изменения были не столь значительны и храм сохранял основные детали прежнего облика до самого конца XIX столетия. Из этого следует, что Фара Витовта более трёхсот лет подряд имела черты ренессансно-готического храма. В конце XIX века храм был реконструирован в псевдорусском стиле. Однако уже в 1919 году здание вернули католикам, и ещё через некоторое время оно снова было реконструировано и вновь приобрело готические черты. В 1961 году храм был подорван. Из почти четырёхсотлетнего периода существования здания, оно находилось в облике значительно отличном от первоначального лишь немногим более двадцати лет. Это, разумеется, может быть аргументом в пользу восстановления храма в первоначальном виде. Аутентичные части здания сохранившееся на прежнем месте — его основные фундаменты и подвалы, принадлежат ренессансно-готическому костёлу.

Наконец эстетика, чьи категории, конечно, весьма условны, может быть мерилom для определения формы здания. Псевдорусский собор, по мнению специалистов, плохо гармонирует с архитектурной средой главной площади Гродно, да и сам стиль как таковой считается многими исследователями «слабым». Что же касается других отличных от изначального облика версий храма, то они, по сути, являются лишь более или менее удачными репликами первообраза Фары.

Вопрос 2. Кто имеет больше прав на храм?

Короткий ответ: Католики

Тезисы:

1. Храм был построен как католический и пришёл на смену ещё более раннему католическому собору.
2. Католики владели каменным храмом более двухсот тридцати лет, православные только менее ста двадцати.
3. Предшественница каменного храма — деревянная Фара Витовта, упоминается уже в XIV веке, данные о существовании на этом месте более раннего православного храма не известны широкому кругу исследователей.
4. Место храма можно считать принадлежащим католикам исконно.
5. Храм был забран у католиков против их воли, согласия католической общины никто не спрашивал.
6. Справедливо было бы его вернуть представителям этой религии.

Аргументация:

Храм был построен как католический и принадлежал католикам намного дольше, чем православным, если же учесть, что храм, построенный в XVI веке, являлся своего рода преемником католического храма, упоминание о котором относят к XIV столетию, то можно утверждать, что католики владели Фарой в несколько раз дольше, а само место храма исконно принадлежало католической общине. Какие-либо достоверные данные о существовании на этом участке более раннего православного храма не известны широкому кругу историков. Но главный аргумент это то, что храм был отнят (если не сказать украден) у католиков, соответственно, с точки зрения морали, храм должен быть возвращён законным владельцам. Можно провести следующую аналогию... Есть и ещё один храм символ Гродно — Коложская церковь. Достаточно представить, что храм частично разрушился бы, был бы передан властью католикам, без согласия православной общины, перестроен в костёл, а через некоторое время взорван. Правильным ли было бы Коложу восстановить именно в первоизданном виде, как православную церковь XII века, и после восстановления передать православным? Ответ, думается, вполне очевиден. Автору случалось слышать контраргумент, что, мол, католики не протестовали против передачи храма. Во-первых, этот вопрос нуждается в дополнительном изучении, а во-вторых, как остроумно заметил белорусский историк Дмитрий Дрозд *«можно было попротестовать — только сразу котомку в Сибирь заготовить»*.

Вопрос 3. Кому стоит отдать храм?

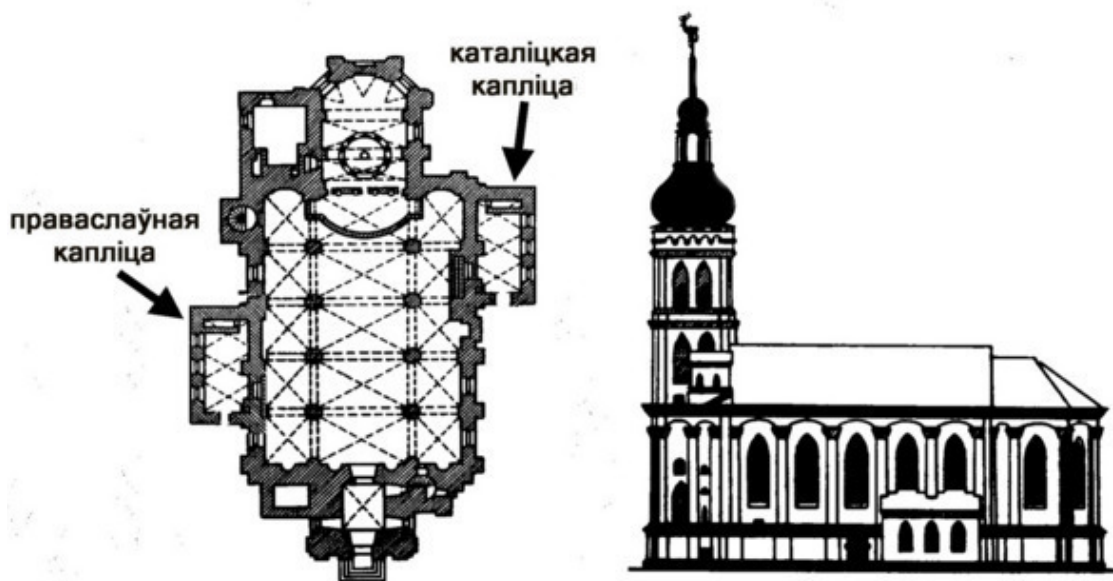
Короткий ответ: Храмом может владеть город, католическая община или же православная, а также обе эти общины совместно.

Тезис:

1. Наибольшие права на храм, безусловно, имеют католики, но во избежание межконфессиональных разногласий он, теоретически, может принадлежать городу или же быть в совместном владении двух конфессий.

Аргументация:

Имеет смысл уточнить, что автор считает опасность спора верующих несколько надуманной. Знакомство с вышеизложенными фактами приведёт большинство людей к убеждению, что здание по праву может принадлежать католикам. Аргументы же подобные такому: *«у католиков костёлов полно, давайте построим православным церковь напротив!»* звучат нелепо. Если православным не хватает храмов, то их можно построить, в том числе и в центре, но легендарный католический храм должен, по крайней мере, быть восстановлен в изначальных формах, и иметь более ценный, в архитектурном и историческом планах, облик, а не наружность казённого псевдорусского стиля. Однако из ответа администрации на очередной вопрос о восстановлении храма следует, что там всё же опасаются конфликта. Что ж... Храм мог бы принадлежать и православным, но облик его должен соответствовать изначальному. Выше уже аргументировано это утверждение. Логичным компромиссным решением, было бы решение оставить здание городу, в качестве концертного зала и (или) галереи. Очевидно, однако, что администрация не горит желанием вешать такое здание на баланс. Кроме того, сама структура храма открывает путь к совместному, так сказать компромиссному, владению Фарой. Храм имел часовню, принадлежавшую роду Халецких. Построив аналогичный объём с противоположной стороны, можно отдать одну из построек в собственность православной, а другую во владение католической общины. Основное помещение храма можно при этом оставить концертным залом. Есть и пример подобного решения. Сходным образом решён вопрос собора в Калининграде, где действуют евангелическая и православная часовни, а сам храм является концертным залом. Есть и другой пример совместного владения — Храм Гроба Господня в Иерусалиме. История Фары Витовта даже слегка смахивает на историю этого великого восточного храма.

Авторский проект восстановления Фары Витовта, предусматривающий создание двух часовен.

Итог: Фара Витовта должна быть восстановлена согласно научной реконструкции её облика на период XVI — XVII веков. Допустимы некоторые элементы других эпох. Здание может принадлежать городу и быть концертным залом (картинной галереей, музеем и т.д.) или принадлежать одной из двух религиозных общин, православной или католической. Возможно (и даже желательно) совместное владение храмом, то есть он может принадлежать общинам этих двух конфессий.

Гражданам Беларуси следует взять пример с соседей, восстановивших свои национальные символы. Пока же горожане и гости города над Неманом могут осмотреть памятный знак на месте костёла и апсиду костёла бернардинцев, с готическими окнами — образцом для неё послужила апсида Фары Витовта.

Как-то автор высказывал на своей странице в соц. сети идею передачи в Гродно какого-либо из атрибутов власти — скипетра или державы, с которыми был похоронен в Кракове Стефан Баторий, либо фрагмента погребальной одежды монарха. Эти вещи можно было бы разместить в символической могиле Батория, созданной в восстановленной Фаре Витовта. Подобным образом поляки перезахоронили последнего короля Станислава Августа, перенеся фрагменты его вещей из Волчина в Варшаву. Само тело короля не было найдено и осталось в белорусской земле. Подобный символический шаг в отношении Батория, который хотел быть похороненным в Гродно, был бы весьма уместен, ведь это не только выдающийся монарх, но и единственный великий князь ВКЛ, прямо выразивший желание быть похороненным в одном из городов будущей Беларуси. При создании могилы Батория, впрочем, можно обойтись и без неких вещей короля. Можно создать символическую могилу — кенотаф, на подобие того, который создали родственники Антония Тизенгауза в иезуитском храме. Быть может и целый ряд символических могил великих людей умерших в Гродно, но похороненных в иных местах, мог бы разместиться в возрождённом храме. Родственники Антония Тизенгауза определённо понимали, что его символическая могила уместна в величайшем барочном храме города, то есть в костёле иезуитов. Об этой выдающейся святыне и кенотафе Тизенгауза пойдёт речь ниже.

Храмы иезуитов

Прежде, чем рассказывать об иезуитском костёле Франциска Ксаверия, стоит поговорить об иезуитском строительстве в целом. Строительство иезуитов в Гродно, на момент публикации книги, утопает в противоречивой информации, несмотря даже на значительную историческую важность событий связанных с этим интереснейшим католическим орденом.

Первым иезуитским храмом, как уже было сказано выше, должен был стать храм известный позднее как Фара Витовта. Стефан Баторий прилагал большие усилия для организации иезуитского коллегиума в Гродно. Король даже писал Папе Римскому, чтобы решить этот вопрос. Несмотря на все усилия, увидеть в Гродно филиал ордена иезуитов королю не удалось. Баторий, согласно данных Юзефа Иодковского, завещал членам «Общества Иисуса» 10 000 злотых и скончался в гродненском Старом замке. Новая попытка создать в городе иезуитский филиал была предпринята в первой половине XVII века.

Считается, что уже в 1622 году монахи-иезуиты все-таки появились в городе над Неманом, чтобы воспользоваться фундацией Станислава Касабудского (Stanisław Kossobudzki) который якобы погиб на войне с турками. Авторы в публикациях называют Станислава старостой Гродно, но его имя отсутствует в списке людей, занимавших эту должность.

Первоначально иезуиты якобы жили в доме Мосальского. Первые годы они действовали при Фаре. Считается, что они служили в часовне Халецких, пристроенной к фарному храму.

Долгое время данные о завершении строительства собственной иезуитской церкви в 1663 году считались абсолютно точными, пока не были поставлены под сомнение Ежи Пашендой, который указывал на то, что предполагаемый строитель храма — епископ смоленский Франтишек Далмат Исаковский, умер в 1654 году, сбежав из Смоленска, на который наступали московские войска. Даты постройки храма в 1647 и 1667 годах появляются в литературе, согласно Пашенде, благодаря конституциям сейма, которые утверждают фундации иезуитом. Однако следует отметить, что неучастие Исаковского в завершении строительства костёла не опровергает утверждение о строительстве иезуитского храма в 60-х годах XVII века.

Конституция Сейма 1647 года указывает на то, что храм иезуитов ещё не построен: *«должны быть построены церковь и коллегиум...»* Ревизия гродненской экономики от 1650 года, перечисляет здания иезуитов, но не упоминает костёл. Все это позволяет с определённой уверенностью утверждать, что в 1650 году в Гродно ещё не было иезуитского костёла. Но уже в 1654 году один из иезуитов был упомянут под названием *praefectus fabricae templi*, что можно перевести как «глава храмовой фабрики», то есть начальник строительства. Вот к этому периоду и можно отнести начало строительства иезуитов в Гродно.

Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола.

Однако московские рати уже приближалась к городу. Вскоре они захватили Гродно, помешав планам отцов-иезуитов. Кровавая война Московского государства и Речи Посполитой повлияла на город самым негативным образом. Гродно был очень сильно разрушен.

После окончания главной фазы боевых действий, в начале 60-х годов XVII века, иезуиты смогли вернуться к строительству в Гродно. В 1664 году, в храм была принесена чудотворная икона Божией Матери Снежной, которая и теперь украшает иезуитский костёл Франциска Ксаверия. Значит, к этому году храм уже должен был быть построен. В 1666—1667 годах к костёлу пристроили каменный пресбитерий. В завещании Юрия Михаила Бяницкого, сделанном в 1663 году, есть просьба похоронить его в иезуитской церкви в Гродно. В документах епископа Гродненского Варфоломея Вышамерского указывается, что костёл действовал в 1663 году. Таким образом, можно утверждать, что храм иезуитов действительно был построен в период с 1663 (если взять шире, то 1662) до 1667 года. Можно предположить, что в документах ошибочно указана не дата постройки — 1663 год, а только имя Франтишка Исаковского, который к тому времени уже умер. Само указание на возведение храма в 1663 году представляется достоверным, поскольку существование храма в 60-х годах XVII века подтверждается

другими документами. Правдивой выглядит и информация, данная в визитации храма 1820 года, о строительстве в 1663 году именно каменного костёла. Существование деревянной иезуитской церкви в первой половине XVII века ставится под сомнение польским исследователем Пшемиславом Боровиком.

В 1673 году сейм, собравшийся в Варшаве, утверждает решение о проведении сеймов в Гродно, таким образом превращая город во вторую политическую столицу страны. Иезуиты, стремившиеся иметь наиболее превосходные храмы в главных городах Речи Посполитой, решают построить в Гродно более значительный храм. В 70-х годах XVII века (1678 году, согласно Ежи Пашенде) началось строительство нового храма, неподалёку от уже построенного костёла. Новый храм иезуитов, это существующий сейчас костёл Св. Франциска Ксаверия, который был освящён в 1705 году.

Итак, вот предполагаемая хронология строительства иезуитских храмов в Гродно:

1. Вторая половина XVI века (1579—1586 Е. Квитницкая, 1584—1587 Е. Пашенда) — строительство Стефаном Баторием иезуитского храма, позже известного как Фара Витовта. Иезуиты не приняли храм.
2. Первая половина XVII века (1622 г.) — появление в Гродно иезуитов.
3. 20-30-е годы XVII века — гипотетическое сооружение деревянной церкви (часовни).
4. 50-е годы XVII века — подготовка к строительству храма, начальные этапы работ, прерванные войной РП и Московского царства.
5. Строительство в 60-х годах XVII века (в период с 1662 до 1667 года) каменного храма, так называемого костёла Петра и Павла. Предположительно, храм сохранился в качестве одного из корпусов коллегиума.
6. Закладка в 70-х годах XVII века (в 1678 году, по мнению Е. Пашенды) храма Франциска Ксаверия.
7. Освящение храма Франциска Ксаверия в 1705 году.

Подробный рассказ о, собственно, самом иезуитском храме Франциска Ксаверия, стоит начать с одной цитаты, описывающей костёл, авторства которой принадлежит популярному в ЖЖ белорусскому блогеру Anonimusi.

Иезуитский костёл Франциска Ксаверия. Фото автора.

«Кафедральный собор Святого Франциска Ксаверия или Фарный костёл в Гродно по праву можно считать визитной карточкой города. Я много читала о нем, а летом 2014 года нам с мужем посчастливилось лично в нем побывать. Все слова, все ранее прочитанное не шло ни в какое сравнение с тем, что мы увидели. Скажу честно, от изумления не могли не только разговаривать, но и двигаться. Так и стояли у порога, широко открыв глаза и рты».

Можно себе представить какое впечатление производил этот выдающийся храм на прихожан прошлого.

Освящение иезуитского костёла Франциска Ксаверия провёл бискуп Теодор Потоцкий. Как уже было сказано выше, церемония состоялась в 1705 году. На этих торжествах, как гласит легенда, присутствовали Пётр I и Август II. По сообщению некоторых источников, царь неплохо провёл время в Гродно: молился на коленях в костёле, а потом смотрел представление иезуитского театра, и даже требовал выпустить на сцену чертей. В то время костёл имел вид отличный от известного горожанам XXI века. У храма изначально был более скромный фасад, в духе так называемого сарматского барокко, а башни имели на ярус меньше.

Иезуиты занимались украшением своей святыни большую часть XVIII столетия: заказывали великолепные алтари, создавали пышные барочные купола на башнях храма, делали роспись интерьера. Так продолжалось, пока их орден не был упразднён. Есть основания предполагать, что монахи так и не успели завершить декорирование огромной гродненской святыни, поэтому, к примеру, купол, так и остался без росписи... Впрочем, католическая церковь продолжает украшать костёл и во втором тысячелетии. Этот шикарный храм стал фарным ещё в XVIII веке.

Теперь можно перейти к подробному анализу иезуитского костёла, как произведения искусства, обладающего исключительной, по меркам Беларуси, художественной выразительностью.

По мнению автора: храм является одним из величайших памятников церковного барокко в регионе, превосходящим, по совокупности своих художественных достоинств, любой другой барочный храм Речи Посполитой.

Это одна из самых больших по площади барочных базилик в Восточной Европе. Длина храма 60 метров, ширина в трансепте 33.

Главный фасад костёла достаточно сдержанно, но в то же время не без искусности, украшен рядами пилястр с лепными капителями. Верхние ярусы башен, созданные в XVIII веке, имеют вогнутые формы в духе рококо. Под центральным треугольным фронтоном расположена украшенная рокайльной лепниной ниша, со скульптурой святого покровителя костёла, Франциска Ксаверия. На фронтоне находятся две небольшие скульптуры святых. С двух сторон от главного входа, в нишах, расположены крупные деревянные скульптуры апостолов Петра и Павла. Главный купол имеет диаметр 13 метров. Небольшими куполами накрыты две часовни у апсиды костёла.

Интерьер храма иезуитов в начале XX века.

Как и положено великому храму гродненский иезуитский костёл имеет копию. Гродненский объект был взят за образец для постройки костёла доминиканцев в Ружаностоке.

Интерьер костёла буквально переполнен произведениями искусства. Прежде всего стоит отметить главный алтарь — шедевр барокко. Это один из самых высоких деревянных барочных алтарей Европы, его высота 21 метр. Фундаторами такого выдающегося произведения сакрального искусства называют Самуэля и Констанцию Лозовых. Его автором является скульптор Ян Кристиан Шмидт. Этот мастер был представителем целой династии искусных резчиков по дереву. Сохранилось некоторое количество образцов его искусства, отличающихся вполне

характерным почерком, но всё же главный алтарь гродненского иезуитского костёла стал наиболее сложным и выдающимся произведением скульптора, безусловной вершиной его творчества.

Не раз и не два некоторые из тех, кто стоял перед алтарём иезуитской Фары, пытались пересчитать сколько скульптур украшают эту жемчужину барокко. Да, задача не так проста. Итак, сколько же на самом деле скульптурных изображений на этом алтаре? Попробуем посчитать. Это можно делать по-разному, так как некоторые изображения объединены в скульптурные группы и их можно считать либо как одну скульптуру, либо по отдельности. Кроме того, в данном случае будут учитываться только антропные, антропоморфные и анималистические, то есть подобные людям и животным, скульптуры.

Сначала рассмотрим так называемую алтарную стенку или ретабло (*retabulum*), которая и привлекает к себе особое внимание. На её первом ярусе находится 20 скульптурных изображений, считая двух львов на гербе Заремба и пять рельефов пьедестала, на котором стоит статуя Франциска Ксаверия. Во втором ярусе 15 скульптур, вместе с классическими атрибутами четырёх евангелистов. В третьем ярусе 14 скульптурных изображений, вместе с атрибутами женщин, аллегорически представляющих континенты. Эти великолепные скульптуры имеют свои собственные оригинальные «игрушки». Две из четырёх «континентальных» дам обладают особенно интересными предметами: Африка — своеобразным слоновым шлемом и львом, Америка — существом, напоминающим крокодила и отрезанной индейской головой. Кроме того, окошко апсиды, в котором находится витраж, обрамляют 14 ангельских ликом. Этот концепт соответствует оформлению главного алтаря Собора Святого Петра в Риме, а изображающий голубя (Святой Дух) витраж гродненского костёла, очень похож на аналогичный в главном католическом храме Рима и всего мира. Таким образом, алтарную стенку украшают 63 достаточно крупных антропных, антропоморфных и анималистических скульптурных изображения! И это без распятий, и без учёта скульптур, представляющих объекты не подобные людям и животным, к примеру, без учёта сложных барочных ваз, венчающих алтарь.

Кроме алтарной стенки в структуре алтаря есть ещё и так называемый ящик для реликвий или табернакулум (*tabernakulum*). В гродненском фарном костёле он имеет украшения в виде великолепной рокайльной резьбы и нескольких скульптур. Кроме этого, золочённой резьбой с изображениями ангелов украшен и собственно сам алтарь, то есть своеобразный ящик-стол для ритуалов.

С учётом распятий, все элементы структуры главного алтаря гродненского иезуитского костёла, украшает более 70-ти антропных, антропоморфных и анималистических скульптурных изображений!

Отцы иезуиты активно влияли на проект алтаря, в частности указывая какие именно скульптуры должны быть изготовлены.

С алтарём связана и небольшая геральдическая загадка. По краям этого грандиозного сооружения размещены фигуры, которые должны представлять меценатов, оплативших создание алтаря. С правой стороны находится фигура Св. Самуэля, которая обозначает вклад мстиславского каштеляна Самуэля Лозового, а с левой стороны статуя Св. Констанции, посвящённая Констанции Лозовой. Правда, Юзеф Иодковский считал, что Констанцию Лозовую изображает аллегорическая статуя Европы, на верхнем ярусе алтаря. Случаи отражения внешности реальных людей, в созданных художниками образах святых действительно хорошо известны. Интересно, что традиция приписывает скульптуре Марии Магдалины, в виленском костёле Петра и Павла, внешность жены Пьетро Перти, которого считают автором этого великолепного изображения. Гродненская скульптура Св. Самуэля, которая будто бы заимствует

внешность фундатора Лозового, держит в руке герб. Логично предположить, что это герб именно мстиславского каштеляна. Однако Лозовым приписывают герб Любеч, имеющий в щите подкову, а на щите герба в руке алтарной скульптуры изображён лев. Уместно думать, что это вариация герба Заремба. В дополненном издании гербовника крупнейшего польского геральдиста Каспара Несецкого за мстиславским каштеляном числится некий собственный герб, видимо, речь как раз об изменённом гербе Заремба, который украшает гродненский алтарь.

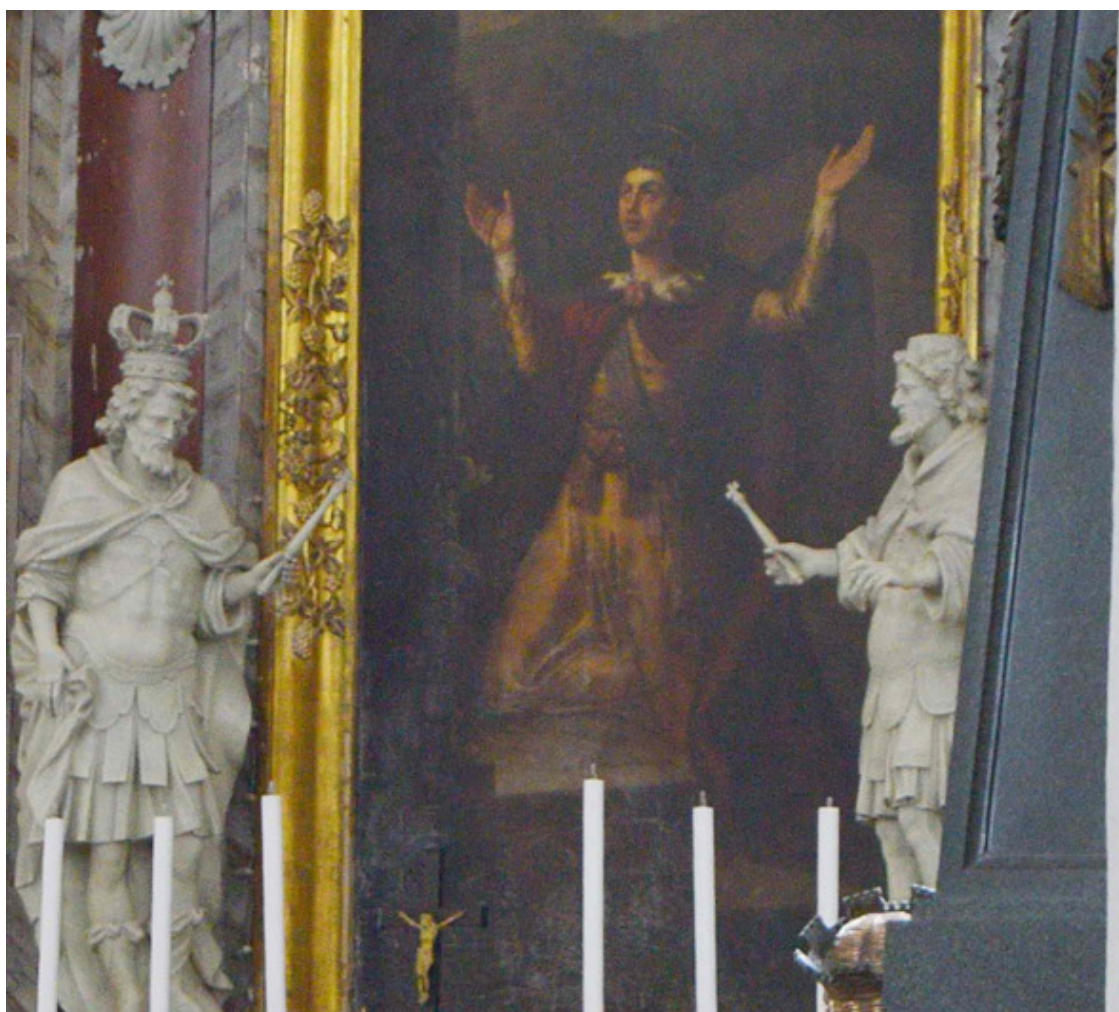

Главный алтарь иезуитского костёла. Фото автора.

Остальные алтари этого храма также весьма интересны. Всего их 12 (вместе с главным 13).

Алтари, расположенные в трансепте, выше и богаче украшены по сравнению с размещёнными ближе ко входу в храм. Вся художественная «массивность» алтарей храма нарастает по линии движения от входа к апсиде. Кроме того, алтари трансепта: левый — Св. Станислава Костки и правый — Св. Казимира, образуют своего рода «политическое пространство». Святые являются небесными покровителями Польши (Св. Станислав) и ВКЛ (Св. Казимир) и таким образом символизируют две составные части Речи Посполитой. В алтаре Св. Станислава помещён рельеф изображающий битву с турками, над которой «парят» картуши с государственными гербами, Орлом и Погоней. В алтаре Св. Казимира находится образ этого святого, который Юзеф Иодковский приписывает кисти знаменитого Валентия Ваньковича.

Картина представляет Св. Казимира молящимся ночью на ступеньках храма. Согласно легенде, королевич устраивал подобные моления и в Гродно, у входа главного католического собора города, позднее известного как Фара Витовта, но на полотне королевич определённо показан в Вильне, которую выдаёт Гора Трёх Крестов.

Св. Казимир. Полотно кисти В. Ваньковича.

Над большим полотном со Св. Казимиром помещено ещё одно изображение королевича, иллюстрирующее битву под Полоцком 1518 года, когда святой явился войскам Короны и Княжества и помог одолеть московских воинов. В той успешной военной операции, к слову сказать, участвовал и один из лучших полководцев ВКЛ, «стараста городеньски» Юрий Радзивилл, по прозвищу «Геркулес».

Военная тематика, присутствующая в оформлении обоих алтарей, только ещё больше подчёркивает определённую идейную связь этих произведений искусства с политическими и военными актами Речи Посполитой. Подобная концепция была реализована и в гродненском бернардинском костёле, где центральный неф украшают крупные изображения гербов шляхты, фундовавшей храм, а ближе к главному алтарю размещаются государственные гербы — Погоня и Орёл Пястов. Объясняются такие художественные решения тем, что костёлы служили для собраний шляхты на сеймиках и, соответственно, были местом политической жизни региона, а во время общегосударственных сеймов — всей страны.

Своды пресбитерия костёла иезуитов отделаны стукковым растительным орнаментом и путти. Центральное место в композиции занимает рельеф Богоматери с младенцем. Скульптурная отделка выполнена на высоком уровне, и её стилистические особенности позволяют предполагать авторство выдающегося итальянского скульптора Пьетро Перти. Этот мастер работал при дворе Казимира Яна Сапеги, как раз тогда, когда магнат помогал в строительстве гродненским иезуитам.

Ниже обращают на себя внимания великолепные балюстрады хоров пресбитерия. Между небольшими витыми колонками, с коринфскими капителями, помещены сложные растительные мотивы, из которых как будто вырастают человеческие фигурки. Данная балюстрада отсылает к искусству эпохи маньеризма.

Высококласная лепнина на своде пресбитерия. Предположительно, работа Пьетро Перти.

Балустрада хоров пресбитерия. Исполнена в стиле маньеризма.

У алтаря Св. Казимира размещается каменная плита, закрывающая вход в склеп. Тут похоронены Казимир Мицута и его жена Ефрозина (Евросинья) Коллонтай. Теперь надписи на плите затёрты, но Юзеф Иодковский успел записать их. Оригинал языка польский. Автор приводит здесь уникальный перевод, выполненный им лично. Это даст возможность прочувствовать дух рифмованной шляхетской эпитафии.

Вечный дом спустя столетия гроб откроет.
Гараденский подкоморий,
Казимир на Ваганове,
Мицута, по умершей голове,
Тут назначил край покоя.

Он всегда бывал в советах,
Но и не чурался боя,
Говорят дела и пушки,
Что так нравятся в войсках.
При двух славных королях,
Солдат смелый на полях.
Честный воин и полковник,
Для солдат вооружённых.
Славный муж был твёрдой веры.
Заходил он в сейма двери.
Как посол взял голос вольный.
В трибуналах судья годный.
Тут закрыл он веки сна.
Из Коллонтаев тут она.
Жена честна Ефрозина,
Честью славна героиня.
Парой тут лежат они.

Ну а тех, кто идёт мимо,
Просим об Аве Мария.

Алтарь в каплице Матери Божией Студенческой (Снежной), или Конгрегацкой каплице (имеется ввиду студенческое товарищество — конгрегация) несколько выделяется на фоне остальных. Это единственный каменный алтарь в храме, кроме того, он исполнен в стиле классицизма. Алтарь одновременно сдержан и изыскан. Его украшают коринфские пилястры с каннелюрами. Тонкая лепнина алтаря действительно великолепна. Особенно хорош фриз с антропными изображениями, как бы сплетёнными друг с другом с помощью гирлянд. Прекрасны и скульптуры на фронте алтаря. Тут же находится образ Матери Божией Снежной, с золотым окладом, помещённый в великолепную рокайльную, серебряную раму, созданную гданьскими мастерами. Этот образ Богоматери является наиболее почитаемой католической иконой Гродно.

Автором алтаря считается скульптор Томаш Подхайский (Tomasz Podhajski). К творчеству этого мастера относят главные алтари важнейших литовских храмов: соборов Каунаса и Шилувы, которые входят в список малых базилик Литвы, и собора Св. Антония в Тельшае.

Алтарь Конгрегатской каплицы гродненской Фары (слева) и один из алтарей базилики Рождения Марии в Шилуве. На обоих алтарях виден характерный для Т. Подхайского орнаментальный пояс с антропными фигурками.

Слева от алтаря размещаются деревянные скамьи, расписанные сценами шляхетской жизни города.

Образ Матери Божьей Снежной в иезуитском храме Гродно.

Уникальные изображения служат важным источником информации о бытовых подробностях периода сарматизма. Одежды, причёски и поведение персонажей как бы отправляют зрителя в ту эпоху. Это своего рода набор иллюстраций чудесных происшествий, связанных с образом Матери Божией Снежной. Роспись выполнена довольно примитивно, в духе наивного искусства. Сцены снабжены подписями на польском языке. Роспись можно датировать 1731 годом, так как эта дата стоит под одним из изображений.

Неподалёку от каплицы Матери Божией Снежной, установлен памятник гродненскому старосте Антонию Тизенгаузу, исполненный из бронзы и лабрадорита. Монумент производит очень сильное впечатление. Это действительно великолепное произведение искусства. Особенно хороша аллегорическая скульптура наклонённой женщины, полной спокойной грации. Её облик идеально отражает главную идею памятника: величественное преклонение перед благородным человеком и воздаяние ему почестей. Столь высокий уровень работы можно связать с достаточно громким именем автора проекта. Памятник приписывают прекрасному скульптору Томашу Дикасу, который получил образование в Вене. Томаш дважды выигрывал конкурс проектов национально значимого для Польши монумента: памятника Мицкевичу в Кра-

кове. Правда, предложения Томаша не были реализованы, но автор стал широко известен. Так что у него появилось достаточно много заказов. И одним из них, как считают некоторые специалисты, был памятник Тизенгаузу в гродненском иезуитском костёле. Впрочем, памятник приписывают и другому крупному мастеру — Виктору Бродзскому. Так или иначе, можно без преувеличения сказать, что это прекрасный пример монументальной работы скульптора — один из лучших в Беларуси.

Памятник-кенотаф А. Тизенгауза.

Заказчицей монумента выступила графиня Мария Пшездецкая (в девичестве Тизенгауз), которая сама была особой творчески одарённой и училась живописи. Графиня выделяла финансы и на другие произведения искусства, например, заказала один из самых интересных деревянных амвонов в Литве, который установили в костёле Св. Матвея, местечка Рокишки (Рокишкис). Отличный художественный вкус этой меценатки согласуется с высоким уровнем гродненского памятника, поставленного её предприимчивому родственнику Антонию, по воле отца и брата Марии.

Известно, что Антоний Тизенгауз был похоронен в семейном склепе, в Желудке. Старый храм, где был погребён магнат, не сохранился, а останки Тизенгауза якобы перенесли в новый костёл. В храме Желудка нет великолепного надгробия, но зато таким шикарным надгробием стал памятник в гродненском фарном костёле. Памятник Тизенгаузу в иезуитском храме фактически является кенотафом — символической могилой, что, конечно же, весьма логично, ведь граф сделал немало хорошего для Гродно, и именно с этим городом были связаны смелые бизнес-начинания этого активного реформатора.

В каплице Архангела Михаила установлен, как считается, старейший алтарь храма. Особенно интересен тут огромный образ самого архангела. Проникнутая динамикой фигура небесного воина господствует на полотне. Михаил замахивается мечом на дьявола у своих ног. При этом лицо воителя не теряет красоты и умиротворения, а его огненный меч как будто растворяется в пространстве. Видимо, эта работа восходит к картине «Святой Михаил побеждает дьявола» авторство которой приписывают великому Рафаэлю. Хотя, тут можно увидеть и схожесть с картиной значительного итальянского художника Гвидо Рени «Михаил Архангел». Известно, что Рени и сам вдохновлялся творчеством Рафаэля.

Коллаж из трёх картин, слева направо: Рафаэль Санти «Архангел Михаил сокрушающий дьявола», Гвидо Рени «Михаил Архангел», образ Архангела Михаила в иезуитском костёле Гродно.

Кроме того, стоит обратить внимание на крупную каменную плиту, лежащую вровень с полом каплицы. Она закрывает вход в семейный склеп. Надгробие украшают два шляхетских герба — Лис и Абданк. Не обязательно быть большим знатоком геральдики ВКЛ, чтобы знать, что герб Лис использовали, кроме прочих, могущественные Сапег. Но кто же похоронен под этой плитой? Кто-то из Сапег? Даже не все гродненские краеведы знают ответ на такой вопрос.

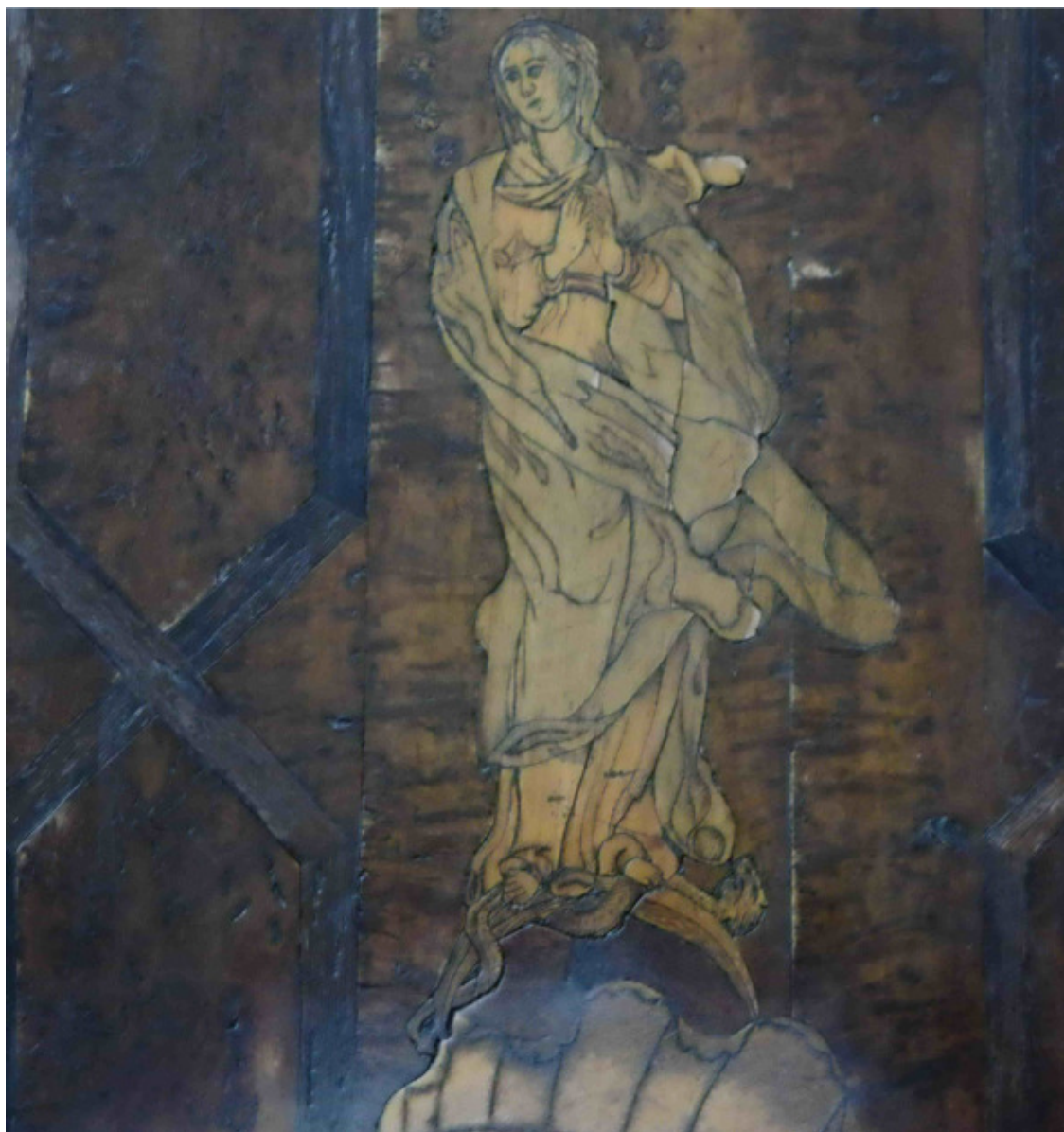
Это Эляш Михаил Римвид, герба Лис, и его третья жена — Беата Тереза Пекаславская, герба Абданк. Эляш Михаил, умерший в конце XVII века, был достаточно успешным человеком в делах увеличения могущества своего рода и, кроме того, благодетелем иезуитов, за что и удостоился чести быть похороненным в храме последователей Лойолы. Ещё одна интересная деталь — фамилия этого шляхтича. Род Римвидов герба Лис, о которых Каспер Несецкий пишет, что они также использовали фамилию Мицкевич, был связан с Лидчиной. К роду Римвидов-Мицкевичей с Лидчины относили себя и представители рода того самого Мицкевича, знаменитого поэта Адама. Правда, в роду Адама использовался другой герб. Известно, что происхождение Мицкевича вызывает большие вопросы у исследователей. Был ли гродненский Римвид дальним родственником поэта? Кто знает. Но совпадение фамилий очевидно.

Амвон иезуитского храма является высокохудожественным произведением рококо. Рокайльные золочённые рамы охватывают тонко прорисованные пейзажи (живописные изображения датируются XX веком). Поддерживает амвон сложный «раковичный выступ», а балдахин венчает серебряный шар — символ планеты. Он частично покрыт серебряными облаками из которых выглядывают ангелочки-путти, а на самом шаре, в эффектной позе, стоит женоподобный ангел, держащий скрижали с десятью заповедями.

Остальные алтари храма являются выдающимися произведениями сакрального искусства в стиле барокко. Они настолько велики и пышно декорированы, что могли бы быть главными алтарями других храмов.

Заслуживают внимания и великолепные деревянные исповедальни в стиле рококо. Они отличаются причудливо изогнутыми формами, резным рокайльным декором и росписью в том же стиле. Подобные конфессионалы обычны в Европе, однако такая роспись встречается относительно редко. Некоторые из исповедален украшены достаточно сложной, деревянной мозаикой. Интересно, что в интерьере уже упоминаемого костёла доминиканцев в Ружаностоке, имеются очень похожие исповедальни. Видимо, как и в случае других элементов интерьера польского храма, имело место прямое заимствование художественных идей из гродненского костёла.

Орган иезуитской Фары, по сведениям из книги «Арганы Беларусі», является самым большим историческим органом на белорусской территории.

Декор исповедальни.

В прямоугольных нишах над арками нефа размещены росписи по мотивам жизни Св. Франциска Ксаверия. Дата проставлена самим создавшим их художником — 1752 год. По данным Ежи Пашенды, образцом для росписей послужили гравюры Мильхиора Хафнера, изображающие жизнь Франциска Ксаверия. Эти гравюры действительно весьма близки к гродненским фрескам. Примечательно, что автор росписи храма иезуитов вынужден был переработать вертикальный формат изображений оригиналов так как фрески святыни выполнены в вытянутых по горизонтали нишах.

Роспись остальных частей храма не раз менялась. По-видимому, наиболее древним, зафиксированным на фото, вариантом живописного оформления пилястр центрального нефа, являются рокайльные картуши. Позднее всю поверхность пилястр покрыли живописной имитацией канелюр. Ни один из вариантов не сохранился.

На парусах купола помещены изображения четырёх евангелистов.

Первый алтарь левого нефа вмещает образ Матери Божией и Св. Симона Стока. Автором называют талантливого художника Антония Грушецкого. Написано полотно в 1782 году. Этот образ — одна из наиболее интересных в художественном плане картин города, среди создан-

ных в эпоху Речи Посполитой. Композиция отлично вписана в вертикальный формат полотна. Внизу холста выделяется ангелок с блаженной улыбкой, он кажется полным гармонии и умиротворения. Связанные полотном скапулярия Симон и Богоматерь, вносят в образ динамику, а сумрачные облака, служащие фоном, разрешаются в верхней части картины более светлыми разводами, с которыми сливаются ангельские лики, эффектно оттеняющие главных персонажей. Подобное решение, в стиле барокко, отсылает к работам Рембрандта.

Образ Матери Божьей и Симона Стока, автор Антоний Грушецкий, XVIII век.

Интересно, что в 30-х годах XX века гродненский Фарный храм мог стать королевской усыпальницей, так как именно сюда планировали перенести останки последнего короля польского и великого князя литовского Станислава Августа. По воспоминаниям польского политика Станислава Забелло перезахоронению монарха в Гродно помешало мнение о том, что город связан с тяжёлыми для короля моментами, в частности, отречением от престола, поэтому Забелло нехотя уступил и решился на перенос останков в костёл Волчина.

На башне костёла размещены одни из старейших действующих башенные часы Европы! Их уникальный механизм мало доступен для посетителей. Но наладить для туристов демонстрацию сложной системы иезуитских часов — вполне реально. Для этого необходимо установить над механизмом камеру, транслирующую его работу в реальном времени, а изображение вывести на экран где-нибудь в зале храма. Многие крупные базилики на Западе уже давно оборудованы подобными информационными экранами.

Слева от храма раскинулась тюрьма. «Тюремный замок», так подобные заведения называли в имперские времена. Огороженная территория с большими воротами действительно может напомнить замок. В разное время, в этой тюрьме содержались многие известные люди, к примеру, художник Наполеон Орда и журналист Павел Шеремет. Говорят, «сидельцы» этой тюрьмы пользуются немалым авторитетом среди «коллег». Всё-таки тюремный замок — это звучит солидно...

Кстати, в давние времена, на углах ограды, скрывающей от прохожих тюремную жизнь, стояли башни. Они обозначены на планах XVIII века. То есть ограда иезуитского квартала напоминала аналогичную ограду бригиттского монастыря. Высокие стены скрывали за собой иезуитский коллегиум, в зданиях которого и размещено исправительное заведение. Автор, разумеется, считает, что тюрьме не место в самом центре города, и она не должна занимать помещения такого великолепного памятника истории и культуры. Это мнение, конечно, не является невероятно оригинальным: так думают многие гродненцы. После выселения заключённых, в здании можно было бы разместить университет. Это продолжило бы традиции коллегиума, основания которого так настойчиво добивался Стефан Баторий.

Что же представлял из себя иезуитский коллегиум? Иезуиты, не выполнившие волю короля при его жизни, появились в Гродно в 1622 году и начали активно получать богатые пожертвования, которые призваны были обеспечить существование их филиала в королевском городе. Каменные здания коллегиума строились уже во второй половине XVII века. Основные работы завершились в 1744 году. Саму иезуитскую школу открыли ещё в первой половине XVII века. Уровень учебного заведения неуклонно возрастал, позволив ему, накануне закрытия, вплотную приблизиться к академии. Студенты, как и положено молодым людям, не всегда отличались послушным нравом, и поэтому иногда подвергались даже телесным наказаниям, которые были в арсенале дисциплинарных мер отцов иезуитов.

Воспитанники коллегиума имели своё студенческое сообщество, и именно ему была дарована в будущем главная святыня костёла — икона Матери Божьей Снежной (Студенческой). Святыня, как считается, была привезена из Рима и в итоге стала самой почитаемой католической иконой города. Образ размещён в упоминаемой выше каплице, обустроенной студентами за свой счёт.

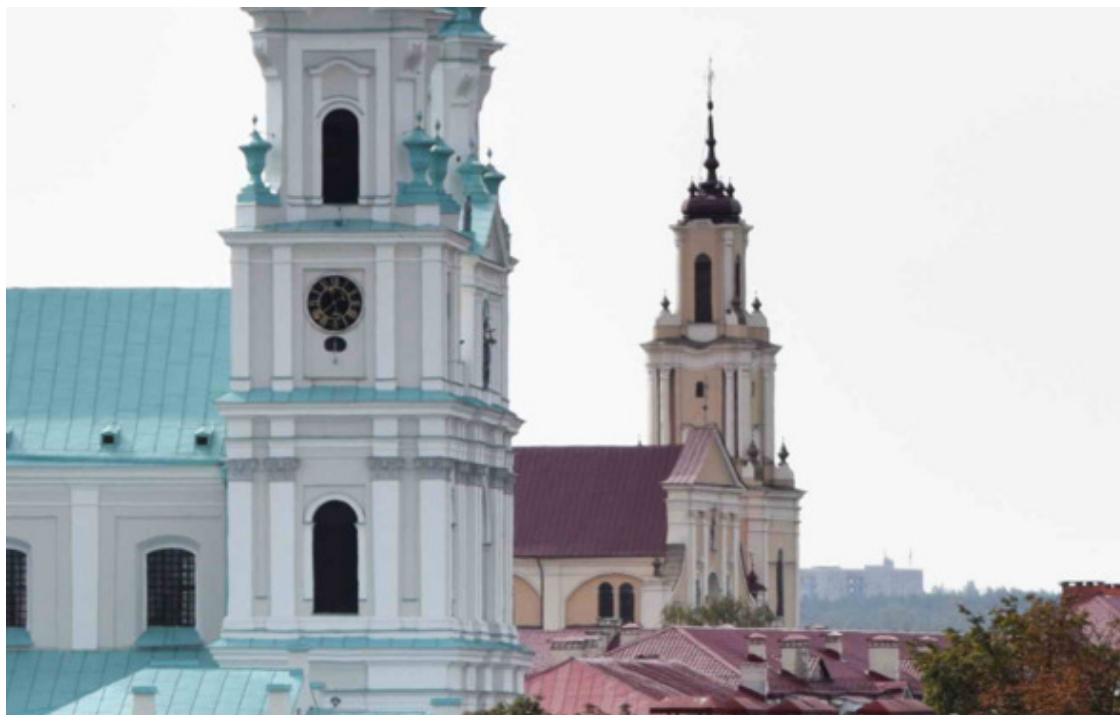
Кроме корпусов коллегиума, занятых пенитенциарным учреждением, слева от храма расположена старейшая аптека Беларуси, когда-то принадлежавшая иезуитам.

После разделов Речи Посполитой иезуитский костёл, который стал главным в городе, продолжал быть местом молитвы. Он пережил две мировые войны. Но настоящая опасность нависла над храмом в период существования СССР, когда власти вынашивали различные планы: от закрытия храма до его уничтожения. Однако верующие смогли отстоять свою свя-

тыню. В 1990 году храм удостоился чести получить титул Малой базилики от самого Папы Римского.

Монастырь бернардинцев

История гродненской деятельности ордена бернардинцев немного напоминает историю гродненских иезуитов, хотя наднеманские представители этих двух могучих орденов не слишком хорошо ладили друг с другом и даже долгое время судились из-за кирпичной фабрики бернардинцев, которую, кстати, в итоге передали последователям Лойолы.

Костёл бернардинцев (дальний план). Фото автора.

Получив привилей от короля и великого князя Александра ещё в 1494 году, монахи бернардинцы, как считается, реально приступили к созданию гродненского филиала лишь в 1595, то есть более чем через сто лет после волеизъявления Александра Ягеллончика. Сразу же принять пожалование правителя, монахам якобы помешали наследники виленского воеводы Николая Радзивилла Старого, которые на тот момент были протестантами и не горели желанием поддерживать католический монашеский орден, и при этом хозяйничали на землях, предназначенных для храма. В конце XVI века монахов приглашал настоятель гродненской фары Канапацкий, который не ограничился лишь приглашением, а добавил к нему ещё и купленный для бернардинцев участок земли с домами. Бернардинцы отправляются в Гродно, чтобы *«быть полезными этому знаменитому городу, заражённому болезнью разных схизм и ошибок»*. Нести католичество в массы и бороться с иноверцами предполагалась с высоты великолепной наднеманской горы, которую позднее называли Бернардинской. Именно там, на бывших великокняжеских владениях, должен был быть появиться монастырь. Непосредственную передачу бернардинцам участка бывшего великокняжеского двора совершила княгиня Анна Друцкая-Соколинская, самолично владевшая этими землями после умершего мужа Юрия дэ Квардо Карега, которому участок пожаловал Стефан Баторий. Княгиня отписала монахам землю *«на вечную память как моего умершего мужа, так и потомков»*. Свой граничащий с землями княгини участок, купленный у Льва Сапеги, записал монахам гродненский мещанин Матвей Тарасович. Пожалования утвердил Жигимонт Ваза.

Кроме земель для строительства значительных построек нужны были деньги. Самыми щедрыми фундаторами бернардинского монастыря стали: король Жигимонт, подаривший 3200 злотых, Иероним Волович, давший 2200 злотых, и Лев Сапега, пожертвовавший 1050. В числе фундаторов числятся и другие представители рода Воловичей: Павел (100 злотых) и Андрей (100 злотых), а также князья Александр и Юрий Мосальские, давшие 1000 и 100 злотых соответственно, Андрей Война, пожертвовавший 1000 злотых, и прочие знатные люди. Кроме того, шляхта, участвовавшая в войне со шведами и как раз находящаяся в Гродно, устроила сбор и дала 4000 злотых. Во всем ВКЛ ещё нужно было поискать храм, могущий похвалиться таким количеством шляхетных фундаторов.

К 1600 году костёл уже был частично готов, и его отразил на своей гравюре Томаш Маковский. В 1617 году монастырь и церковь были достроены. Храм освятил ещё один представитель рода Воловичей, так активно участвовавших в возведении костёла — виленский епископ Евстафий Волович. Это произошло 13 мая 1618 года. Однако уже в 1656 году бернардинские строения получили сильные повреждения в результате действий солдат московской державы. В это же время в монастыре было более 30 монахов. Среди братии имелось трое проповедников, один из которых проповедовал самим бернардинцам, другой монашкам бернардинкам, чей монастырь был по соседству, а третий монашкам бригитткам. Кроме того, среди бернардинцев находилась пара лекторов философии. В монастыре уже размещалась солидная библиотека.

Самые щедрые фундаторы бернардинского костёла, слева направо: Жигимонт Ваза, Иероним Волович, Лев Сапега.

Разумеется, после военных разрушений храм нуждался в восстановлении. Во второй половине XVII века его перестраивали, расширяя и делая всё более великолепным. Тогда храм получил свой барочный фасад. Интересно, что в бернардинском костёле местная шляхта собиралась на свои сеймики. По мнению автора, гродненский храм бернардинцев является одним из наиболее значительных мавзолеев шляхты в Беларуси. У гродненских бернардинцев похоронены представители родов Сапег, Воловичей, Хрептовичей, Мосальских, Сципио-дель-Кампо, Липских, Александровичей, Кирдеев, Барановичей, Жаливских, Эйсмантов и других. Представлены не менее 10 сенаторских родов, из которых как минимум 5 можно отнести к магнатским. Отдельно можно выделить выдающего художника Франтишка Лекшицкого, вероятно, также похороненного у гродненских бернардинов.

После пожара 1753 года, храм снова восстанавливали. К тому времени он уже имел звонницу, расположенную справа от главного фасада. Её было решено надстроить. Звонница вышла

исключительно эффектной, став одним из лучших примеров стиля виленского барокко, на всех землях будущей Беларуси. Из интересных событий жизни храма, произошедших в XIX веке, можно отметить венчание в нём выдающейся писательницы Элизы Ожешко.

Теперь стоит поговорить подробнее об архитектуре святыни. Этот удивительный храм несёт в себе черты готики, позднего ренессанса, раннего итальянского и виленского барокко. Изначально здание демонстрировало элементы поздней готики и ренессанса, как и виленский костёл бернардинцев. Позднее главный фасад получил черты раннего итальянского барокко. Нередко в публикациях пишут о римской церкви Иль-Джезу как об образце для создания фасада гродненского храма. Однако если в гродненских иезуитском и бригиттском костёлах действительно можно увидеть явное влияние архитектуры римской святыни, то костёл бернардинцев всё же достаточно сильно отличается своим художественным решением от главной церкви ордена иезуитов в Риме.

Если закрыть глаза на барочный фасад святыни и представить её памятником поздней готики (или постготики), а об этой стилистике безусловно свидетельствуют окна апсиды и нервюрные своды храма, то окажется, что именно храм гродненских бернардинцев является самым большим готическим храмом Беларуси.

Костёл на гравюре Маковского. 1600 год.

Боковые фасады костёла бернардинцев разрезаны простыми, но весьма характерными флорентийскими окнами, совершенно однозначно указывающими на влияние ренессанса. Со стороны улицы Парижской коммуны стену подпирают мощные пилоны-контрфорсы. Ближайшие к апсиде пилон и окна нижнего ряда выглядят отличными от остальных. С этой стороны располагалась уничтоженная пристройка. На планах XVIII века здесь показана небольшая каплица.

Монастырь в XIX веке. Видны утраченные стены комплекса.

В апсиде, как сказано выше, сохранились вытянутые стрельчатые окна в готическом стиле. Тут уместно снятие фрагментов штукатурки с целью показа старой кладки.

Главный фасад решён строго и изящно. Щипец храма декорирован коринфскими пилястрами и тремя нишами со скульптурами, в верхней части он завершается треугольным фронтоном. Массивные пилоны, ограничивающие щит, увенчаны простыми барочными вазами. Фасад не вполне симметричный так как зодчий, во время реконструкции, стремился вписать его в предыдущую структуру.

Костёл бернардинцев на плане XVIII века и бернардинский сад на плане 1804 года.

Колокольня находится справа от костёла. Ярусы башни храма постепенно сужаются кверху. Звонницу украшают изломанные барочные карнизы, колоны, пилоны и вазы. Пластика колокольни продуманная и утончённая, создаёт узнаваемый образ городской высотной доминанты. Это своего рода «барочная готика», лёгкая, стремящаяся ввысь. В нижнем ярусе звонницы имеется заштукатуренный руст. Основываясь на стилистическом анализе, верхние ярусы колокольни приписывают тому же архитектору, который якобы создал костёлы иезуитов в Илуксте и доминиканцев в Пасиене — итальянцу Антонию Паракка (Antonio Paracca). К творчеству этого мастера относят такие крупнейшие региональные памятники барокко, как «брамка базилиан» в Вильне и униатская церковь в Березвечье. Кроме завершающих ярусов костёльной звонницы этот архитектор, как можно предположить, создал и брамы в ограде монастыря бернардинцев.

Судя по гравюре Маковского, в начале XVII века звонница помещалась слева от храма. Её очертания позволяют даже предполагать решение в стиле кирпичной пламенеющей готики, как в архитектуре костёла Св. Анны в Вильне, либо итальянского ренессанса, как в случае звонницы Успенской церкви Львова, хотя тут, разумеется, стоит учитывать условность изображений гравюры.

Выдающимися являются размеры храма. Колокольня костёла — одна из самых высоких в стране и самая высокая в Гродно. Её высота, вместе с крестом, приблизительно 60 метров. Высокие шпили не были популярным решением для барочных храмов так как превалирование подобных архитектурных элементов осталось в эпохе готических соборов, иначе высота бернардинской звонницы вполне могла бы перевалить за 100 метров. Длинна костёла, вместе с церковным крыльцом, так называемой крухтой, от входа до конца контрфорса апсиды, составляет приблизительно 68 метров. Это значит, что храм имеет наибольшую длину среди всех исторических церквей страны! Максимальная ширина храма — более 26 метров.

Интерьер храма в первой четверти XX века. Видна исчезающая роспись.

Внутри этой величественной базилики находятся великолепные алтари, тонированные под мрамор с большим искусством. Интерьер насыщен стукковой декорацией: как круглой скульптурой, так и многофигурными рельефами. Стиль алтарей представляет собой переход от барокко к классицизму. Их художественное решение отличается, с одной стороны — чёткостью и строгостью классицизма, с другой — осязаемое желание создать более экспрессивные, текучие формы, при помощи дуговых завершений верхнего яруса и несколько хаотичных гирлянд в духе барокко. Эффектно смотрятся рельефные стукковые панно, выступающие доминантами верхних ярусов всех алтарей, кроме главного.

Высококласное полотно, памятная таблица Элизе Ожешко и часть алтаря. Фото автора.

Главный, полукруглый алтарь центрального нефа, декорирован коринфскими колонами и пилястрами, рядом с которыми размещены круглые скульптуры и четыре медальона с головами львов. Венчают аттик алтаря 5 скульптур, полных барочной экспрессии. Центральная скульптура аттика, наиболее крупная в верхнем ярусе алтаря, представляет Бога Отца с атрибутами власти — скипетром и державой. Он простирает руку в сторону символизирующего Святой Дух голубя, изображённого на сводах, в обрамлении ангельских ликов.

Примечательна и роспись храма, в частности, стоит отметить ряд шляхетских гербов вверху центрального нефа. Всего гербов 16, по 8 с каждой стороны. Ближе всего к алтарю, с обеих сторон, гербы ВКЛ и Польши. Сразу за государственными гербами, с левой стороны, размещены гербы Лис и Багория. В данном случае, они, очевидно, представляют могучие роды Сапег и Воловичей, члены которых были меценатами храма. Далее находится герб князей Мосальских. Таким образом, похоже, что гербы размещены в порядке иерархии их хозяев. Ближе к главному алтарю изображены гербы более значительных семейств, а завершаются геральдические ряды государственными гербами, которые в данном контексте можно понимать и как личные эмблемы монархов — благодетелей храма. С правой стороны размещены,

среди прочих, гербы влиятельных в городе шляхтичей Эйсмонтов (герб Кораб) и Сципио-дель-Кампо (герб Сципио). Подобная «политическая» живопись, легко объясняется фактом проведения сеймиков шляхты в бернардинском костёле. С правой стороны, вблизи от входа, помещён олень Св. Губерта (Евстафия).

Погоня и Орёл Пястов в интерьере храма. Фото автора.

Над гербами в нишах аркатурного пояса размещена галерея из портретов религиозных и политических деятелей. В публикациях укоренилось ошибочное утверждение о количестве этих изображений: якобы их по 12 с каждой стороны. На самом деле, с каждой стороны размещено 19 портретов, то есть всего их 38. Эта галерея, как можно видеть, сродни шляхетским собраниям живописи: подобные коллекции находились в родовых гнёздах привилегированного класса ВКЛ. Для посетителей храма, разумеется, затруднительно детально осмотреть эти портреты. Стоит создать галерею небольших копий, разместить её где-то в зале храма и снабдить описаниями.

Уникальное изображение герба Гродно. Фото автора.

Большой тимпан центрального нефа, размещённый над проёмом апсиды, ранее был занят росписью «Вознесение Девы Марии». Под героями этой фрески был изображён медальон с наименованием старинного музыкального рефрена Ave Regina Caelorum (Здравствуй Королева Небес). Справа от этого медальона, несколько ниже, помещался медальон с эмблемой францисканцев (бернардинцы являются ветвью этого ордена), а слева ангельский лик. Ещё в начале XX века тимпан имел именно эту роспись, но позднее её заменили на другой вариант вознесения Девы Марии. Авторство первого варианта приписывают Антонию Грушецкому, а второго Петру Сергиевичу, одному из самых значительных белорусских живописцев XX века.

Вместе с созданием нового «Вознесения...» были расписаны, растительным орнаментом, арки и своды. Этот декор существовал ещё в 90-х годах. Но в начале XXI века исчезла и эта, впрочем, не самая удачная, роспись. Такая ситуация наводит на мысль о слишком вольном обращении собственника, то есть католической церкви, с бесценными памятниками архитектуры страны. Хотя, в целом, католикам удаётся содержать храмы в исторически обоснованном виде, и это в то время, когда на старинные православные храмы лепят неуместные золотые луковицы.

Кроме росписи в тимпане нефа, стены храма покрывала обильная и сложная живопись на пилястрах, сводах и хорах. Роспись выполнялась в рамках «гибридного» стиля, сочетающего барокко и классицизм. Разумеется, тут уместен вопрос о восстановлении утраченных живописных работ.

Утраченный орган.

Довольно крупный орган храма был украшен сложной барочной резьбой. Венчало его несколько выразительных скульптур.

Стены главного нефа украшают высокие пилястры, представляющие вариацию ионического ордера, с эффектными львиными головами в капителях.

В отличие от костёла иезуитов, где неподалёку друг от друга находятся деревянный барочный алтарь Архангела Михаила XVII века, и каменный алтарь Матери Божией Снежной, второй половины XVIII столетия, основные элементы костёла бернардинцев, то есть алтари, высокие пилястры центрального нефа, деревянная обшивка стен пресбитерия, амвон и даже роспись выглядят очень гармонично и наводят на мысль о едином проекте для масштабных интерьерных работ последней четверти XVIII века. Кто же был автором этого безусловно грандиозного и высокохудожественного ансамбля? Гипотеза, как представляется автору, находится на поверхности. Уместно предположить участие гродненского архитектора Джузеппе де Сакко. Тут и любимые мастером небольшие розетки, и обилие небольших гирлянд, и классический плетённый орнамент, похожий на тот, что был реализован в росписи Святского дворца, и строгий, но вместе с тем изящный, вид объектов в целом, что весьма характерно для Сакко. Хотя отдельные скульптурные элементы демонстрируют не очень высокий художественный уровень, интерьер гармоничен и весьма живописен, показывает безукоризненный вкус автора и очень

качественно выдержанный «гибридный стиль» барокко и классицизма. Из вышеизложенного следует, что Сакко можно гипотетически полагать автором всего проекта оформления интерьера, реализованного в последней трети XVIII века.

В храме есть несколько памятных таблиц, о которых упоминал ещё путешественник XVIII века Шлемюллер. Среди них особенно выделяется плита с тонким резным орнаментом. Установлена она в честь освещения храма виленским епископом Евстафием Воловичем, монограмма и герб которого помещены в нижней части плиты.

Рокайльные подсвечники в интерьере храма. Фото автора.

Стены пресбитерия обшиты деревянными панелями с рельефными изображениями религиозных персоналий.

Имеется в храме и небольшой, достаточно строгий, амвон. В его художественном решении весьма ощутимо влияние классицизма. Исповедальни также созданы в классическом стиле. Стоит отметить и старую расписанную дверь в монастырские корпуса, и интересные рокайльные подсвечники, которые, по одной из гипотез, перенесены в костёл из какого-то радзивилловского дворца.

В интерьере храма следует выделить скульптурное убранство Лоретанской каплички (иначе капличка Св. Варвары), помещённой слева от входа в храм. Её интерьер обычно датируют второй половиной XVII века и одним из предполагаемых авторов является Пьетро Перти — пожалуй, величайший скульптор среди тех, что работали в ВКЛ. Этот автор смешивал в своём творчестве барочную экспрессию и ренессансный (а то и готический) гротеск. Стиль оформления Лоретанской каплички полностью соответствует работам Перти. В скульптурном убранстве ощущается та самая барочная экспрессия с определённой склонностью к гротеску, и, хотя, качество исполнения отдельных деталей несколько уступает лучшим творениям Перти, можно предполагать участие тут артели этого мастера и его проектные решения. Вместе с тем, можно допустить и позднейшую, конца XVIII века, эмитацию стиля Перти.

Один из скульптурных элементов убранства каплички привлёк особое внимание Юзефа Иодковского. В основании южной арки находятся две скульптуры существ, смахивающих на львов. Их гротескный вид позволил создателю гродненского музея предположить более солидный, по сравнению с остальным убранством каплички, возраст этих элементов. Историк высказал догадку о происхождении скульптур, отнеся их ко времени Александра Ягеллончика, то есть к XV веку!

Скульптура «львёнка» из Лоретанской каплицы.

Однако специалист ошибался, ведь фундация костёла, сделанная великим князем Александром, не привела к быстрому строительству храма, и костёл появился намного позднее. Но Юзеф верно уловил причудливый, обычный для гаргулий средневековых соборов, характер этих скульптур, которые действительно могут показаться происходящими из эпохи поздней готики. Эта причудливость в полной мере проявилась в величайшем произведении артели Пьетро Перти — убранстве храма Петра и Павла в Вильне.

Декор Лоретанской каплицы.

Кроме значительных потерь в плане художественной росписи (типичная для Гродно ситуация) не сбереглась полностью и скульптура. К примеру, ангелочки-путти с двух предапсидных алтарей — пропали, и заменены электрическими светильниками.

Храм был одним из важнейших гродненских мавзолеев шляхты. Среди погребённых там людей можно выделить Андрея Станислава Сапегу, обладавшего сложным характером и значительными боевыми заслугами. Этот магнат успел поучаствовать в Битве под Хотином 1621 года, Смоленской войне, войне со шведами 1626—1629, в которой он предводительствовал собственным гусарским отрядом в 150 всадников. Сапега часто судился со своими родственниками, и в этом деле, в отличие от военных столкновений, был не слишком успешен. Кроме того, в костёле похоронен Ян Владислав Александрович, который участвовал, под предводительством будущего лучшего полководца ВКЛ — Яна Кароля Ходкевича, в успешных столкновениях с валашскими войсками. В храме упокоились многочисленные члены знатных семей: Мосальских, Эйсмонтов и Сципио-дель-Кампо, среди которых можно выделить Матея Тадэуша Эйсмонта, талантливоего финансиста времён Тизенгауза. В костёле похоронены и некоторые члены польских аристократических родов, к примеру, Ян Липский из достаточно значительного польского рода Липских, имевшего в своих рядах даже великого коронного канцлера.

Кроме политических деятелей в храме бернардинцев похоронены духовные лица — многочисленные члены их ордена, а также простые мещане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.